

ПАРФЮМЕР

По мотивам одноименного романа Патрика Зюскинда

Действующие лица:

Жан-Батист Гренуй

Женщина

Девочка

Луизетта

Лаура

Запахи людей

«В городах того времени стояла невообразимая вонь. Улицы воняли навозом, дворы воняли мочой, лестницы воняли гнилым деревом и крысиным пометом, кухни - скверным углем и бараньим салом; гостиные воняли слежавшейся пылью, спальни – грязными простынями, влажными перинами и остро-сладкими испарениями ночных горшков. Из каминов несло серой, из дубилен – едкими щелочами, со скотобоен – выпущенной кровью. Люди воняли потом и нестираным платьем; изо рта у них пахло сгнившими зубами, из животом – луковым соком, а их тела, когда они старели, начинали пахнуть старым сыром, и кислым молоком, и болезненными опухолями. Воняли реки, воняли площади, воняли церкви, воняло под мостами и во дворцах...» Воняло всё. Всё, что может вонять. Но никто не замечал этого. А если замечали, то не могли понять, потому что... А почему? Они не знали. Они не знали...

ЗАПАХ ПЕРВЫЙ

Длинная деревянная лестница ведет к двери подвала в доме на улице О-Фер. Сотни крыс копошатся на этой лестнице, словно в ожидании какого-то близкого события. Может быть, пиршества, а, может... В темноте горят сотни пар красных глаз. Не моргают. Ждут. И воняют...

А еще воняет гнилью и какой-то страшной болезнью. И землёй.

Лестница скрипит, крысы настораживаются. Красные огоньки глаз вспыхивают и гаснут, как угли в очаге.

По стене скользит бледный свет свечи.

Появляются две женщины.

Одна воняет менструальной кровью, другая рыбой, что, впрочем, очень схоже.

Юбки ползут по лестнице, шелестят, цепляются за грубое дерево. Крысы нехотя расступаются, образуя коридор.

Та, что воняет рыбой, беременна.

Вторая держит в руке свечу, свет которой выхватывает на её лице рубцы от оспы.

ВТОРАЯ. Сюда, мадам.

МАДАМ. Да...

ВТОРАЯ. Мадам знает, что услуга доктора будет стоить целый франк?

МАДАМ. Да...

ВТОРАЯ. И мадам не жалко целый франк?

МАДАМ. Нет...

ВТОРАЯ. Первый раз вижу мадам, которой не жалко целый франк... Целый франк это огромные деньги. За него могут убить даже взрослого мужчину, если найти нужного человека... Осторожно, мадам, здесь животные эти. Их много. Могут того...

МАДАМ. Да...

Крысы не реагируют.

ВТОРАЯ. Сюда, мадам.

МАДАМ. Да...

Остановились у двери. Вторая стучит, выбивая какую-то замысловатую мелодию. Ждут.

ВТОРАЯ (задумчиво). Да... мадам не жалко целый франк. Целый франк это огромные деньги...

Лязгает засов.

Это Северина и мадам, господин доктор...

Дверь открывается. Показывается иссушенное лицо старика. Он улыбается беззубым ртом.

От него пахнет землёй.

Северина тоже улыбается. Несколько секунд молча глядят друг на друга.

Это Северина и мадам, господин доктор... И мадам не жалко целый франк.

ДОКТОР. Мадам принесла его? (Потирает руки.)

МАДАМ. Кого?

ДОКТОР. Франк! (Идиотски смеётся.)

СЕВЕРИНА. Где он?

Мадам роется в юбках. Достает монету.

Глаза крыс на лестнице вспыхивают.

Глаза доктора и Северины тоже.

Доктор пищит, потирает руки, лицо.

Северина подражает ему.

ДОКТОР. Сюда, мадам. (Пропускает гостей в комнату. На нем задубевший фартук, как у мясника, в руке газета.)

СЕВЕРИНА. Сюда, мадам...

В комнате горят несколько ламп. Они освещают серую кровать, заваленную газетами, и страшное металлическое кресло в центре. Под креслом стоит деревянный чан сливового цвета.

Пахнет старой кровью.

ДОКТОР (ходит вокруг мадам, осматривает её живот). Мадам нужно раздеться...

СЕВЕРИНА. Мадам нужно раздеться...

Смеются.

Мадам раздевается. Остается в грязной нижней сорочке.

ДОКТОР. До конца...

СЕВЕРИНА. До конца...

Снова идиотски смеются.

ДОКТОР (вдруг кричит). Прекрати передразнивать меня, глупая девка!!!

СЕВЕРИНА (вздрагнув). Я...

ДОКТОР. Молчать!!!

Северина обиженно опускает голову.

Доктор ржёт.

Мадам нужно раздеваться до конца.

Мадам снимает нижнюю сорочку. Стыдливо прикрывает грудь и лобок под огромным животом. В руке, прикрывающей лобок, сверкает франк.

Глаза доктора скользят по её телу. Видят франк, загораются.

ДОКТОР. Господин доктор видит, что мадам уже долго носит этот груз в своём чреве?

МАДАМ. Четыре месяца...

ДОКТОР. Мадам обманывает господина доктора?

Пауза.

ДОКТОР. Это так, мадам?

МАДАМ. Почти шесть...

ДОКТОР. А господину доктору кажется, что это восемь месяцев. Так?

Мадам жмёт плечами.

Почему же мадам не хочет подождать еще один месяц и отвезти этот груз на Кладбище Невинных?

МАДАМ. Я плачу вам франк. (Демонстрирует монету.)

СЕВЕРИНА. Целый франк...

ДОКТОР. Кто отец?

МАДАМ. Я плачу...

ДОКТОР. ...целый франк. Господин доктор знает. (Примирительно.) Мадам читает газеты?

МАДАМ. Я не умею...

ДОКТОР. Мадам не умеет читать. Какая жалость. Газеты это величайшее изобретение, мадам. Мадам обязательно должна послушать... (Подходит, раскрывает газету.) Это что-то божественное... Вот... Слушайте, мадам. (Читает.) «Чиновник Ц., 50 лет, высокого роста, мускулистый, происходит от здоровых, по его словам родителей». Так... Так... Вот... «Ц., как он уверяет, никогда не онанировал. С юных лет страдает ночными поллюциями, не связанными с представлениями о половом акте, но только...» Это не то. Вот. «Хорошенькая женщина с пышными формами, и в особенности с красивой правой ногой, в состоянии была, когда она сидела, привести его в сильнейшее возбуждение. Его неудержимо влекло предложить себя в качестве сиденья; его восхищала мысль, что ему будет позволено держать на себе такую массу чудных красот». А! Каково?! Божественно! Эти газеты! Теперь они очень в моде во Франции! Или вот... «Купец В., от времени до времени, в особенности в дурную погоду, обнаруживал следующее влечение. Он подходил на улице к первой проститутке и приглашал её зайти с ним в сапожную лавку, где покупал ей самую красивую пару лакированных ботинок, но с условием, чтобы она их тотчас надела и шла в них по мостовой до тех пор, пока они не покроются совершенно грязью. После того он отправлялся с нею в гостиницу и, едва успев зайти в номер, бросался к её ногам и вычищал губами приставшую к обуви грязь, что доставляло ему необычайное наслаждение. Очистив этим своеобразным способом ботинки, он вручал девушке соответственный гонорар и отправлялся домой». А?! Каково, мадам? Это всё газеты! Господин доктор может читать одну семь раз подряд. Или вот... (Вдруг начинает лизать ей грудь, живот, шею.) Мадам благоухает рыбой... Мадам разделывает рыбу на рынке? (Лижет.)

Северина хихикает.

МАДАМ (пытается отстраниться). Зачем вы?..

ДОКТОР. Господину доктору хочется! (Кусает её за сосок.)

МАДАМ (отталкивает его). Мне холодно.

ДОКТОР (отпрыгивает). Господину доктору кажется – мадам угодно начать?

МАДАМ. Хотелось бы, сударь.

ДОКТОР. Мадам известно, что с такой задержкой это будет больно?

СЕВЕРИНА. Очень больно...

ДОКТОР. Мадам знает, что если мадам умрёт, франк всё равно достанется господину доктору и господин доктор утром купит на него газету?

Мадам кивает.

ДОКТОР. Мадам известно, что господин доктор не предоставляет постель после, и мадам придётся пойти домой?

Мадам кивает.

ДОКТОР. Мадам знает, что господин доктор отдаёт груз крысам?

Пауза.

ДОКТОР. Господин доктор не может отдать это мадам, потому что мадам может попасться полиции и рассказать про господина доктора.

Мадам кивает.

ДОКТОР. Мадам уже пила настой пижмы?

МАДАМ. Да...

ДОКТОР. И настой луковой шелухи?

МАДАМ. Да.

ДОКТОР. И прыгала с бельевого шкафа?

МАДАМ. С лестницы...

ДОКТОР. И это не помогло мадам?

МАДАМ. Нет.

ДОКТОР. Тогда это всё. Мадам может занимать своё место... Северина...

СЕВЕРИНА. Сюда, мадам.

Помогает мадам забраться в кресло, привязывает её.

Доктор вынимает саквояж с инструментами, подходит. Смотрит мадам между ног.

ДОКТОР. Господин доктор видит, у мадам нехорошая болезнь – сифилис.

МАДАМ. Это...

ДОКТОР. Господин доктор знает, что мадам хочет сказать господину доктору. Мадам хочет сказать господину доктору, что это потертость или опрелость, но господин доктор много видел и не будет ей верить.

Достаёт инструменты: крючья, пики, щипцы.

Северина хихикает.

ДОКТОР. Северина, почитай господину доктору и мадам газету.

Северина радостно хватается за газету. Нюхает её. Улыбается.

Сверкает инструмент в руке доктора.

СЕВЕРИНА (читает по складам). «В одном провинциальном городе был пойман 30-летний субъект из высшего сословия в момент совершения содомического акта с курицей. Преступника предварительно долгое время подстерегали: обращало на себя внимание, что в доме все курицы одна за другой погибали. На вопрос председателя суда...»

Мадам кричит.

Северина прекращает читать. Смотрит, улыбается.

ДОКТОР. Читай, Северина!

СЕВЕРИНА (читает громко, пытаясь перекричать мадам.). «...председателя суда, каким образом вышеупомянутый обвиняемый дошел до такого ужасного преступления, последний сослался на то, что у него очень маленькие половые органы, так что сношения с женщинами для него невозможны. Врачебное исследование действительно подтвердило показание обвиняемого...»

Мадам кричит очень громко.

Северина смолкает.

В чан сливового цвета сильно льётся кровь. Потом падает что-то большое.

Крысы на лестнице возбужденно смотрят на дверь.

Пахнет свежей кровью.

И вдруг начинает плакать ребенок.

И в этот момент вдруг время начинает идти не как положено, а быстро. Очень быстро.

Несутся по рекам воды. С сумасшедшей скоростью плывут по небу облака. Тысячами умирают люди, миллионами насекомые, мгновенно созревают сыры, в одну секунду вянут овощи и высыхают источники.

Время несется.

Мелькают жандармы, кандалы, судьи в смешных балахонах. Мелькают доктор, мадам и Северина. На площади жилистые столяры сколачивают виселицу, как муравьи собираются зеваки.

Кормилицы с налитыми грудями кормят младенца и высыхают, как деревья. Кладут его в корзину и несут... Прочь, прочь...

Звонят колокола в монастыре Сен-Мерри что на улице Сен-Мартен.

Болтаются на сколоченной столярами виселице три фигурки висельников...

И только тогда время сбавляет свой ход. Оно сделало, что хотело...

ЗАПАХ ВТОРОЙ

Пансион мадам Гайар на улице Шаронн.

Длинная комната полна лежанок. На них дети, старики и просто мужчины со странными лицами. Кто-то пускает слюни, в последний момент втягивая их обратно - играет, кто-то чешется, кто-то просто смеётся, кто-то раскачивается, как неустанный маятник часов, кто-то ищет что-то в своей скомканной постели. И все они что-то непрерывно говорят, шепчут, бормочут. Только ничего из их слов невозможно разобрать, потому что всё это сливается в какое-то невообразимое гудение, бляенье.

Пахнет мочой, калом и потом.

Дверь в комнату открывается.

Все вдруг замирают на своих убогих лежанках. Гудение смолкает.

Входят патер Террье с большой корзиной в руке и мадам Гайар, голова которой странно приплюснута со стороны лба.

Патер пахнет уксусом, мадам Гайар – тем же, что и её заведение.

Люди в комнате с минуту изучают их, потом возобновляют свои дела.

Своды комнаты снова заполняются монотонным шипением.

ТЕРРЬЕ. Монастырь готов платить за год вперед, Мадам Гайар.

МАДАМ ГАЙАР (её голос похож на стрекотание насекомого). Как много?

ТЕРРЬЕ. Монастырь согласен на десять франков в неделю...

МАДАМ ГАЙАР. Пансион не может позволить себе меньше пятнадцати.

ТЕРРЬЕ. Монастырь согласен.

МАДАМ ГАЙАР. Сюда будут входить один ежедневный горячий обед и один холодный. Постель. Уборная. Крыша. Дрова зимой. С декабря по март. Мыло. Одежда. Обучение грамоте, если есть способность. И лекарства средней цены на одну болезнь в год. В случае повторной болезни в году - лекарства в счет питания на соответствующую сумму. Праздники

не предусмотрены. Если угодно получать подарок на какой-либо праздник – это за дополнительную плату...

ТЕРРЬЕ. Монастырь думает, это лишнее.

МАДАМ ГАЙАР. В случае смерти воспитанника в начале месяца, деньги, уплаченные вперед, не возвращаются.

ТРЕТИЙ. Само собой, мадам Гай...

МАДАМ ГАЙАР. Порча имущества, преднамеренная или нет, - в счет питания.

ТЕРРЬЕ. Монастырь согласен, мадам Гайар.

МАДАМ ГАЙАР. Половые болезни также за дополнительную плату или в счет питания.

ТЕРРЬЕ. Монастырь согласен, мадам Гайар. (Протягивает ей корзину.)

МАДАМ ГАЙАР. Это еще не всё...

ТЕРРЬЕ. Монастырь...

МАДАМ ГАЙАР. Младенец крещен?

ТЕРРЬЕ. Монастырь гарантирует, мадам Гайар. Жан-Батист Гренуй - дано при крещении.

МАДАМ ГАЙАР. Происхождение?

ТЕРРЬЕ. Самое обычное, мадам Гайар.

МАДАМ ГАЙАР. Не из цыган?

ТЕРРЬЕ. Нет, мадам Гайар! Да вот же... (Достаёт газетную вырезку.) Тут всё сказано. Здесь о его матери. Монастырь имел долгом сохранить. Известная была история. Даже газеты не обошли. Вы любите газеты, мадам Гайар?

МАДАМ ГАЙАР. Газеты за дополнительную плату или в счет питания, если будет угодно. Пансион не может себе позволить...

ТЕРРЬЕ. Монастырь имел ввиду...

МАДАМ ГАЙАР. Всё, что не упомянуто - за дополнительную плату или в счет питания. (Берет у Террье вырезку, читает.) «На улице О-Фер восьмого числа августа под лестницей среди крыс был обнаружен младенец, при ближайшем рассмотрении оказавшийся живым и мужского пола. По этому делу задержаны: мать младенца Г., из простых, двадцати пяти лет, имевшая доход от чистки рыбы неподалёку; доктор медицины Ф., преклонного возраста, способствовавший извлечению вышеупомянутого младенца из утроб вышеупомянутой матери, а также девица С., бывшая косвенно причастная к данному инциденту. Все вышеупомянутые трое признаны виновными и казнены. Совершенно остается загадкой, почему вышеупомянутые крысы, коих рядом с младенцем было обнаружено в достаточном количестве, не съели его и даже в какой-либо степени не покусали. После отказа нескольких кормилиц, испытывавших чувство брезгливости, вышеупомянутый младенец передан монастырю Сен-Мерри на улице Сен-Мартен»... (Мадам Гайар выдерживает паузу, думает.) Почему не покусали?

ТЕРРЬЕ. Остается загадкой... совершенно...

МАДАМ ГАЙАР. Подходит. (Берет корзину, возвращает патеру вырезку.)

ТЕРРЬЕ. Там дальше есть еще один любопытный случай...

Мадам Гайар несет корзину к пустой лежанке.

ТЕРРЬЕ (читает). «Одна особа, молодая девушка, после падения при верховой езде, стала внезапно проявлять нимфоманию и сделалась невыносимой благодаря циничным песням,

разговору, сладострастным позам и жестам. Она постоянно раздевалась, требовала настойчиво коитуса. Через несколько дней неминуемо наступил смертельный коллапс...»

Пока патер читает, мадам Гайар вынимает младенца из корзины. Разворачивает. Оставляет на лежанке.

Обитатели заведения настораживаются, затихают, крадутся к новичку.

Мадам Гайар возвращается к патеру, берет его под локоть, уводит.

Как только дверь за ними закрывается, все бросаются к Греную. Трогают. Рассматривают. Щипают. Нюхают.

ПЕРВЫЙ. Он ничем не пахнет!

ВТОРОЙ. Он ничем не пахнет!

ТРЕТИЙ. У него четыре пальца на ноге!

ВТОРОЙ. У него четыре пальца на ноге!

ЧЕТВЕРТЫЙ. Хозяйка сказала, что крысы не стали его жрать!

ВТОРОЙ. Хозяйка сказала, что крысы не стали его жрать!

ПЕРВЫЙ (снова нюхает). Он не пахнет!

ВТОРОЙ (скачет). Он не пахнет!!!

ЧЕТВЕРТЫЙ. Он принесет нам чуму!

ТРЕТИЙ. Это дьявол!

ВТОРОЙ. Это дьявол! Принесет чуму!

ГОЛОСА. Дьявол! Чума! Дьявол! Убить его!!! Убить!!! Дьявол!!!

Накидывают на Греную подушку. Бьют по ней. Прыгают. Кричат. Беснуются. Переворачивают лежанки, летит солома.

Вдруг начинают бить друг друга. Рвут волосы. Разбивают стекла и режут друг друга осколками.

Вбегают мадам Гайар и патер Террье. Секунду стоят как вкопанные.

Кто-то бьет патеру стеклом в горло.

Патер хрипит и оседает на пол.

МАДАМ ГАЙАР. Жак Страхолюд идёт!!!

И всё вдруг разом прекращается.

МАДАМ ГАЙАР. Убрать здесь всё. (Смотрит на тело патера). И это. Ужина не будет. (Уходит.)

Все начинают приводить комнату в порядок. Прикладывают к ранам солону.

Кто-то жалобно плачет в углу.

Пахнет обмочившимся перед смертью патером Террье.

И тут время вдруг срывается со своей колеи и несется во весь опор.

Дубы растут со скоростью бамбука, реки замерзают и сбрасывают лед так быстро, что этого невозможно заметить. Урожаи сменяются урожаями. Засухи – дождями. Тысячами рождаются младенцы и сотнями умирают. словно песочные замки ветшают хижины бедняков и дворцы знати.

Мелькают лица постояльцев пансиона мадам Гайар. Падают в колодцы, с крыши, гибнут от кори, холеры, оспы, дизентерии и междоусобиц. Появляются новые. И тоже гибнут.

А Гренуй растёт, встаёт на ноги, произносит первые слова: «Рыбы... Герань... Козий хлев... Савойская капуста... Жак Страхолюд... Да... Нет... Дрова... Дрова... Дрова... Дым...».

И нюхает. Нюхает всё. Весь мир. И в его голове, перед глазами, перед мысленным взором несется тысячи, сотни тысяч запахов, и он берет их руками и смешивает друг с другом в каких-то невообразимых комбинациях. Он играет ими, как дети играют в свои игрушки.

Время замирает, отматывая двенадцать лет.

ЗАПАХ ТРЕТИЙ

Гренуй сидит на своей лежанке в комнате пансиона мадам Гайар. Из прежних постояльцев остались только двое. Многие койки пусты.

Пахнет дровами.

ГРЕНУЙ. Дрова... Дрова... Дрова... Дрова... Дрова... Дрова... Рыбы... Герань... Дрова... Дрова пахнут кленом... пахнут дубом... пахнут сосной... вязом... грушей... мхом... А все говорят – это дрова. Рыбы пахнут по-разному, а все говорят – рыбы...

ПЕРВЫЙ. Он дурачок.

ВТОРОЙ. Он знает, как пахнет вода.

ПЕРВЫЙ. Вода не пахнет.

ГРЕНУЙ. Вода пахнет всяко. Из колодца, из реки, из ручья, из кружки... много...

ПЕРВЫЙ. Он врет. Вода не пахнет.

ГРЕНУЙ. Пахнет всё...

ПЕРВЫЙ. Ничего не пахнет. Только уборная.

ГРЕНУЙ. Уборная воняет...

ПЕРВЫЙ. А мне нравится. Там тепло.

ВТОРОЙ. Да оставь ты его.

Занимаются своими делами.

ГРЕНУЙ. Дрова... Дрова... Дрова.. (Не шевелясь). Мадам Гайар и Жак Страхолюд идут...

Первый и Второй застывают.

ПЕРВЫЙ. Он врет... Он не может так.

ВТОРОЙ. Он учуял их. Как зверь...

ПЕРВЫЙ. Хочешь сказать - ему не нужны глаза...

ВТОРОЙ. Не нужны.

ПЕРВЫЙ. Он врет.

ВТОРОЙ. Нет. Он дьявол. Я же говорил, что он дьявол. Поэтому все умерли. И мы скоро умрем...

ПЕРВЫЙ. Надо было убить его. Тогда...

ВТОРОЙ. Его нельзя убить.

Распахивается дверь, влетает мадам Гайар и Жак Страхолюд.

Лицо мадам Гайар красное.

Жак Страхолюд весь мокрый. В одной руке у него газета, в другой – дубинка. Пахнет от него нечистотами.

ЖАК. Бить их, мадам Гайар?

МАДАМ ГАЙАР. Где они?!!!

Обитатели пансиона запрыгивают на свои лежанки, накрываются с головой.

Гренуй не реагирует.

МАДАМ ГАЙАР. Где они?!!! Где мои деньги?!!! Бей их, Жак!!!

Жак подскакивает к лежанкам и начинает лупить по ним дубинкой.

Из-под одеял летит поросячий визг.

Гренуй смотрит.

МАДАМ ГАЙАР. Это они! Они хотят, чтобы я померла в Отель-Дьё! Чтобы я лежала в одной постели с сотней грязных старух! Они украли мою ренту! Они украли мою смерть! Бей их, Жак!!! Бей их, Жак!!! Бей их!!! Бей!!!

Жак бьёт. Дубинка грохочет о кости.

Жак старается, потеет, вывалил язык.

МАДАМ ГАЙАР. Бей!!! Бей!!! Они украли мою смерть!!! Бей их, Жак!!! Бей их!!! Где они?! Где моя смерть?! Бей их, Жак!!! Убей их!!!

ГРЕНУЙ. Деньги там... (Показывает пальцем на стену.) Деньги там...

Мадам Гайар смотрит на него, как на ненормального.

Жак останавливается.

ГРЕНУЙ. Деньги лежат там...

ЖАК. Бить его, мадам Гайар?

МАДАМ ГАЙАР. Нет... (Гренуй.) Пойдем...

ГРЕНУЙ. Зачем вам деньги? Деньги пахнут нехорошо...

МАДАМ ГАЙАР. Пойдем...

ГРЕНУЙ. Дрова пахнут лучше...

ЖАК. Бить его?

МАДАМ ГАЙАР. Нет. Пошли!

Гренуй встает с лежанки. Идет к выходу.

Мадам Гайар и Жак Страхолюд за ним.

ЖАК. Бить его, мадам Гайар?

МАДАМ ГАЙАР. Потом...

Первый и Второй выбирают из под одеял. Их лица разбиты.

ПЕРВЫЙ. Зачем он нас бил?

ВТОРОЙ. Он не сказал...

ПЕРВЫЙ. Он очень сильный этот Жак. (Потирает бока.)

ВТОРОЙ. Очень сильный.

Тем временем Гренуй, мадам Гайар и Жак заходят в комнату мадам Гайар.

Гренуй показывает на стояк камина.

ГРЕНУЙ. Там деньги. Они пахнут немытыми руками и кровью. И еще много чем нехорошим...

Мадам Гайар лезет за стояк, достаёт свёрток. Судорожно прячет его за пазуху. Одну руку оставляет там же – пересчитывает.

Пауза.

ЖАК. Бить его?

ГРЕНУЙ. Дрова пахнут лучше...

ЖАК. Бить его?

МАДАМ ГАЙАР. Нет. Как ты узнал?

ГРЕНУЙ (жмет плечами). Не знаю... Просто знал. Они пахнут. Кровью и немытыми руками. Ни как дрова...

МАДАМ ГАЙАР. Прекрати говорить про дрова!

ЖАК. Бить его, мадам Гайар?

МАДАМ ГАЙАР. Нет. (Греную.) Как ты узнал?

ГРЕНУЙ. Я не знаю. Я просто знал, что они там. А дрова там... (Показывает.) А там вода... Там герань...

МАДАМ ГАЙАР. Иди отсюда...

ГРЕНУЙ. А там...

МАДАМ ГАЙАР. Вон!

Гренуй уходит.

Мадам Гайар в задумчивости смотрит ему вслед.

ЖАК. Надо было побить его...

МАДАМ ГАЙАР. Как он узнал?

ЖАК. Он дьявол. Они говорят, он видит сквозь стены... Надо было побить его. Сильно.

Мадам Гайар садится на стул. Думает.

Пауза.

ЖАК. Я бы побил его хорошо... (Пауза.) Почитать вам газету, мадам Гайар?

Мадам Гайар кивает.

ЖАК. Я вообще-то не очень и слов многих не понимаю. Но газеты люблю. Бить и газеты... (Разворачивает газету, читает очень скверно.) «Врач З., невропатической конституции, плохо реагирующий на алкоголь и при обычных условиях совершенно нормально выполняющий всякие половые потребности, не в состоянии уже, как скоро он выпил вина, удовлетворять своё повышенное половое влечение самым обыкновенным актом совокупления, и для того, чтобы добиться извержения семени и испытать чувство полнейшего удовлетворения похоти, он должен был уколоть или надрезать ланцетом ягодицы женщины...» Каков, а? Бить таких надо...

МАДАМ ГАЙАР (вдруг встает). Он опасен!

ЖАК. Опасен, мадам Гайар. «...уколоть или надрезать ягодицы» он хочет...

МАДАМ ГАЙАР. Пансион должен отказать ему. К тому же монастырь прекратил выплаты... Он опасен. Пансион не может себе позволить...

Идет в комнату воспитанников.

Первый и Второй прячутся под одеяло.

Гренуй сидит на своей лежанке.

Мадам Гайар подходит к нему.

МАДАМ ГАЙАР. Монастырь прекратил выплаты, и пансион вынужден отказать вам. Пансион не может себе позволить... Вам необходимо собраться и следовать за мной. Вещи, что на вас, пансион жертвует в счет питания других воспитанников... Пойдемте...

ГРЕНУЙ. Но здесь дрова...

МАДАМ ГАЙАР. Пансион не может себе позволить. Пойдемте...

ГРЕНУЙ. А как же дрова?

МАДАМ ГАЙАР. Пойдемте!!!

Мадам Гайар грубо хватает его за руку и ведет к выходу.

ПЕРВЫЙ. Куда она его?

ВТОРОЙ. На бойню. Всех зверей ведут на бойню. Из него сошьют сапоги и перчатки для знати...

ПЕРВЫЙ. Для знати?

ВТОРОЙ. Может даже для графа или маркиза...

ПЕРВЫЙ. Повезло...

Мадам Гайар и Гренуй выходят за пределы пансиона.

ГРЕНУЙ. Вон там дрова, мадам. Давайте понюхаем дрова. Дрова пахнут кленом... пахнут дубом... пахнут сосной... вязом...

МАДАМ ГАЙАР. Заткнитесь!!!

Гренуй замолкает.

Они идут по городу полному мелких лавок и заведений разного рода. Люди на улицах все до одного с газетами. Торговцы газетами появляются почти из-за каждого угла, кричат: «...один больной нанимал на время своих припадков...», «...образец мужа и семьянина, строго нравственный человек, отец нескольких детей, страдает периодическими припадками, при которых отправляется в публичный дом...».

Но Гренуй их не видит и не слышит. Он нюхает. Нюхает улицы, дома, лестницы, людей. И в его воображении город вместе со всеми его обитателями вдруг становится страшным и уродливым. Улицы превращаются в извилистые зловонные катакомбы, дома в иссохшие гробы, лица людей - в свиные рыла.

Греную становится страшно. Ему нечем дышать. Он задыхается, хватая ртом воздух, зажимает свободной рукой нос. И начинает шептать: «Дрова, дрова, дрова, дрова, дрова...»

Между тем они достигают цели своего путешествия – это дубильня на улице Мортельри.

Мадам Гайар стучит в дверь, из-за которой тянет сырой подгнившей кожей.

МАДАМ ГАЙАР. Господин Грималь, это мадам Гайар. Пансион привел работника.

ГРЕНУЙ. Здесь пахнет нехорошо, мадам Гайар. Уйдемте...

МАДАМ ГАЙАР. Замолчите! Пансион привел работника, господин Грималь.

Скрипит засов, дверь открывается.

Показывается голова Грималя. Тяжелая и пустая.

ГРИМАЛЬ. Работника... (Осматривает Гренуя.) Пансиону известно, что работа в дубильне не из легких?

МАДАМ ГАЙАР. Монастырь прекратил выплаты, и пансион не может позволить себе...

ГРИМАЛЬ. Пансиону известно, что каждый второй дохнет от чертова антракса?

МАДАМ ГАЙАР. Пансион не может себе позволить...

ГРИМАЛЬ. Надеюсь, работник здоров?

МАДАМ ГАЙАР. Пансион гарантирует.

ГРИМАЛЬ. Поглядим. (Берет Гренуя за волосы, крутит, вертит - удовлетворен.) Пять франков комиссионных...

МАДАМ ГАЙАР. Пансион не может себе позволить...

ГРИМАЛЬ. Десять.

МАДАМ ГАЙАР. Пансион...

ГРИМАЛЬ. Пятнадцать.

МАДАМ ГАЙАР. Пансион согласен. И расписка о передаче.

ГРИМАЛЬ. А с вас о получении комиссионных...

ГРЕНУЙ. Здесь пахнет...

МАДАМ ГАЙАР. Замолчите!

ГРИМАЛЬ. Так с ними надо... (Дает Греную подзатыльник.) Теперь по рукам...

Обмениваются бумагами.

**Мадам Гайар получает деньги.
Оба довольны. Улыбаются.**

ГРИМАЛЬ. Читали в газете о девице из знати, что забавлялась с кошками в особенности персидской породы?

Мадам Гайар машет головой.

ГРИМАЛЬ. Сейчас принесу... (Втаскивает Гренуя в дубильню, исчезает сам.)

Мадам Гайар, не дожидаясь, уходит.

Идёт по городу, радостная, улыбается.

По пути она покупает у торговцев газеты на все пятнадцать франков.

И как только последний франк опускается в карман торговца газетами, время срывается и несется во всю прыть вперед.

В одно мгновение газеты в руках мадам Гайар превращаются в прах.

Польхает пансион на улице Шаронн. Польхает Жак Страхолюд. Плавают и исчезают франки за стояком камина. Мадам Гайар бросается их спасать и сама плавится.

И вот она уже лежит на жалкой лежанке в Отель-Дьё в компании пяти умирающих старух, обожженная и немощная. А вот едет в мешке на кладбище в Кламар, где её засыпают толстым слоем извести.

А в это время Гренуй неустанно мездрит шкуры, вымачивает их в воде, протравливает, мнет, сгоняет волос, обмазывает известью, колет дрова и носит воду. Носит воду, носит воду, носит воду...

И нюхает, и складывает запахи, как мозаику. Крупица к крупице. И уже целые живописные полотна готовы в его голове. Целые витражи, фрески, гобелены.

ЗАПАХ ЧЕТВЕРТЫЙ

Козий хлев. Полумрак. Только слабые лучи света пробиваются сквозь щели в стенах.

Пахнет сеном.

На полу в соломе лежит Гренуй. Он не шевелится. Дышит тяжело, трудно.

Над ним стоят силуэты Грималю и какого-то мужчины.

МУЖЧИНА. Я лечу животных, а это же вроде похоже на человека...

ГРИМАЛЬ. Какая разница – я плачу вам франк. И болезнь у него животная. От коровьих шкур. Вы лечите коров?

МУЖЧИНА. Лечу. От мастита притирками и плоды вправляю.

ГРИМАЛЬ. Ну так лечите, вправляйте ему плоды.

МУЖЧИНА. Но это же не корова. Корова большая. И вымени нет.

ГРИМАЛЬ. Считайте, что это маленькая корова без вымени. Я плачу вам франк, святые небеса!

МУЖЧИНА. Хорошо, я попробую... Но лучше бы вам позвать настоящего доктора.

ГРИМАЛЬ. Настоящий доктор стоит два франка. Лечите! Это очень полезная корова. Я заплатил за неё пятнадцать франков. Лечите!

МУЖЧИНА. Я буду пытаться... (Нагибается к Греную, осматривает.)

Грималь ждёт, подбрасывает монету.

ГРЕНУЙ (бредит). Дрова... дрова... дрова... Дрова пахнут по-другому... Всяко... У герани запах весной не такой, как летом...

МУЖЧИНА. Он что-то говорит...

ГРИМАЛЬ. Не слушайте. Лечите.

Мужчина щупает Гренуя.

ГРИМАЛЬ. Ну что там? Когда он сможет работать?

МУЖЧИНА. Пока не могу сказать.

ГРИМАЛЬ. Ну лечите, лечите... Читали в газете, как один женатый и с детьми откапывал мертвецов и ругался. Не читали. Могу принести. У меня газеты все под замком от греха... Там еще про половые воши очень подробно... Принести?

МУЖЧИНА. Что это за уголь у него на лице? Как кусочки угля прилипли... Это похоже на... Боже мой! Вааааай!!! Вааааай!!! Это антракс! У него антракс! (Отскакивает от Гренуя.) У него антракс, Боже праведный! Сожгите его!!! Сейчас же!!! У него антракс!

ГРИМАЛЬ. А я вам что говорил. Коровья болезнь. От шкур...

МУЖЧИНА. Боже мой! Зачем вы меня позвали?! (Вытирает о Грималю руки.)

ГРИМАЛЬ. Лечить. Я плачу франк.

МУЖЧИНА. Теперь и я, и вы! (Для верности вытирает руки о лицо Грималю.) И вы... Мы тоже! Мы все умрём! Вы убили меня! (Бежит к выходу из сарая.) Это антракс! Вы убили меня! Вы убили меня! Вы убили меня!!! (Убегает прочь.)

ГРИМАЛЬ. А как же про женатого, что мертвецов ругал... Странный какой-то... Даже франк не взял... (Тоже уходит.)

Гренуй переворачивается набок. Делает тяжелый долгий вдох. Открывает мутные глаза. Из темного угла выходит женщина. Останавливается. Смотрит. От неё, как и от Гренуя, ничем не пахнет.

ЖЕНЩИНА. Тебе нравится здесь?

Гренуй не отвечает.

ЖЕНЩИНА. Что тебе здесь нравится?

ГРЕНУЙ. Как пахнет... Дрова и другое...

ЖЕНЩИНА. И это всё?

ГРЕНУЙ. Это много. Запахов много. И из них можно делать другие...

ЖЕНЩИНА. И ты хочешь?

ГРЕНУЙ. Очень...

ЖЕНЩИНА. Зачем?

ГРЕНУЙ. Я не знаю...

ЖЕНЩИНА. Так узнай же скорее...

ГРЕНУЙ. А как я узнаю? Здесь же темно...

ЖЕНЩИНА. Будет светло. Потом. После...

ГРЕНУЙ. Когда?

Женщина уходит в темноту.

И вдруг она просачивается сквозь щели в досках и летит по улице. Она настигает мужчину, что «лечил» Гренуя. Хлещет его по щекам, рукам, ногам, телу.

Мужчина пытается защищаться, но на его лице и везде появляются страшные опухоли. Они вздуваются, как дыни.

Мужчина бежит в свой дом, забирается в постель.

Опухоли на его теле начинают взрываться. Из них сочится уголь.

И вот уже в постели не человек, а куча черного-черного угля.

Гренуй поднимает голову.

Глаза его просветляются.

ЗАПАХ ПЯТЫЙ

Дом на мосту Менял. Дом отошедшего в мир иной парфюмера и перчаточника Джузеппе Бальдини. В доме несметное количество эссенций, цветочных масел, настоек, вытяжек, выделений, бальзамов, смол. Такое же количество помады, пасты, всех сортов пудры и мыла, сухих духов, фиксатуары, бриллиантины, лосьонов, ароматических солей, туалетных жидкостей и духов на винном спирте.

Но еще больше здесь запахов. Они пропитали весь дом, как губку. Их источают стены, пол, этажерки, стулья, столы, полки, лампы, ковры и даже посуда. Запахи здесь повсюду. Это королевство запахов.

В спальне в постели огромная как холм мадам Бальдини. Она с закинутыми юбками и спущенными панталонами. На голове траурная вуаль.

На мадам сверху взгромоздился Дрюо. Обслуживает. Пыхтит. Старается. Покраснел весь. Рядом стоит Шенье. Читает вслух газету.

Мадам Бальдини успевает еще делать какие-то записи в амбарной книге.

Пахнет мускусом.

ШЕНЬЕ (читает). «Любопытный случай произошел в дубильне некоего господина Г.. Один его работник заболел страшной болезнью, называемой докторами и прочими светилами антракс, и, совершенно потеряв всякий человеческий облик, начал превращаться в корову. И даже, по некоторым слухам, обзавелся выменем. Но умудрился излечиться, как заявляет вышеупомянутый господин Г., при помощи втираний и вправлений плода, что стоило вышеупомянутому господину Г. десять франков».

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Какие страсти прямо... Лучше что-нибудь из приватного, Шенье. Дрюо, побыстрее...

ДРЮО. Слушаюсь, мадам.

Дрюо ускоряет темп.

Мадам начинает писать быстрее.

ШЕНЬЕ (читает). «Одна жена рассказала, что в брачную ночь ее супруг удовлетворялся тем, что целовал и ласкал ее волосы и затем лег спать. На третью ночь он принёс парик и попросил жену надеть его. Как только она это сделала, он прекрасно выполнил, хотя и с опозданием, свои супружеские обязанности. Увидев, что здесь имеется причуда, она согласилась на желание мужа, похотливость которого зависела от парика. Станным образом только парик этот действовал несколько дней... Результатом брака после пяти лет были двое детей и коллекция париков из ста семидесяти двух штук...»

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Интересно. Шенье, принеси-ка парик для Дрюо.

ШЕНЬЕ. У нас нет парика, мадам.

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Надо будет купить. Дрюо, поторопись.

ДРЮО. Мадам...

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Что, Дрюо?

ДРЮО. Мадам... Я... моя спина, мадам...

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Опять?!

ДРЮО. Прошу прощенья, мадам...

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Ты жалкий бездельник и симулянт, Дрюо. Шенье смени его.

ШЕНЬЕ. Всегда рад, мадам.

Дрюо сползает с мадам. К нему на ремнях пристёгнут латунный фаллос. Дрюо отстегивает ремни, передает фаллос Шенье.

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Шенье, возьми покрупнее.

ШЕНЬЕ. Слушаюсь, мадам.

Открывает сундук, вынимает фаллос покрупнее.

ШЕНЬЕ. Этот, мадам?

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Этот в самый раз. Поторопись, Шенье.

Шенье пристёгивает ремни, взбирается на мадам.

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Какой ты жеребец, Шенье!

ШЕНЬЕ. Благодарю вас, мадам.

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Дрюо, бездельник, почитай нам.

Дрюо ищет газету.

Мадам Бальдини вдруг начинает быстро перелистывать страницы амбарной книги. Её глаза наливаются кровью. Она тяжело дышит.

МАДАМ БАЛЬДИНИ (кричит). Шенье!!!

ШЕНЬЕ. Я стараюсь, мадам.

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Шенье!!!

ШЕНЬЕ. Быстрее невозможно, мадам...

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Шенье!!! (Спихивает Шенье с себя.)

Тот падает на пол. Разбивает фаллосом вазу.

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Мы разорены, Шенье! (Встаёт, натягивает панталоны.)

ШЕНЬЕ. Это не так, мадам.

МАДАМ БАЛЬДИНИ. За прошлый месяц мы не продали ни одного флакона духов.

ШЕНЬЕ. Не совсем так, мадам. Мы продали два флакона воды для фонтанов.

МАДАМ БАЛЬДИНИ. И всё?!!

ШЕНЬЕ. Сейчас трудные времена, мадам. Все помешаны на духах этого Пелисье. А все рецепты вашего покойного мужа устарели. Их не хотят покупать, мадам. А Пелисье это гений...

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Прекрати, говорить мне про этого Пелисье! Пойди и придумай новые духи! Лучше!

ШЕНЬЕ. Это невозможно, мадам... Я могу только извлекать запахи и смешивать, но придумывать их...

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Ты бездельник и симулянт, Шенье. Дрюо, скажи ему, Дрюо...

ДРЮО. Мадам, вы могли бы закрыть мастерскую и магазин. И открыть здесь дом для состоятельных господ.

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Что ты несешь, Дрюо?! Шенье, ты слышал?! Ты бездельник и симулянт, Дрюо! Покажи мне духи этого Пелисье, Шенье...

ШЕНЬЕ (недоумённо). Духи Пелисье, мадам?

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Духи Пелисье, Шенье!

ШЕНЬЕ. Но, мадам...

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Я знаю, что они у тебя есть, Шенье!

ШЕНЬЕ. Совсем немного, мадам... (Извлекает флакон из кармана.) Вот...

Мадам Бальдини вырывает у него флакон. Нюхает.

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Дааааа....

ШЕНЬЕ. Это «Амур и Психея», мадам. Самые модные, мадам...

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Меня осенила идея, Шенье! Мы скопируем их, Шенье!

ШЕНЬЕ. Каким образом, мадам?

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Самым обычным, Шенье. (Обливает духами фаллос, сует его под нос Шенье.) Нюхай, Шенье. И называй ингредиенты. Записывай, Дрюо!

ШЕНЬЕ. Но, мадам...

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Нюхай!

Шенье нюхает.

Дрюо приготовился записывать.

ШЕНЬЕ. Пахнет мадам...

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Ты бездельник и симулянт, Шенье. (Бьет его фаллосом по голове.) Нюхай!

ШЕНЬЕ. Цедра...

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Пиши, Дрюо!

Дрюо пишет.

ШЕНЬЕ. Винный спирт...

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Пиши, Дрюо!

ШЕНЬЕ. Гвоздика...

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Пиши...

ШЕНЬЕ. ...кажется...

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Кажется или гвоздика?!

ШЕНЬЕ. Кажется гвоздика...

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Ты бездельник и симулянт, Шенье! (Бьет его фаллосом по голове.) Нюхай!

ШЕНЬЕ. Я не могу, мадам... Я ничего не могу разобрать, мадам.

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Нюхай!!!

ШЕНЬЕ (заплакал). Мадам...

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Я убью тебя, Шенье! (Бьет его фаллосом.)

Шенье убегает.

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Мы разорены! Ты меня разорил, Шенье!

Звонят в дверь.

ШЕНЬЕ. Это покупатель, мадам. Нужно открыть, мадам...

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Сама знаю, идиот! Дрюо оставайся здесь. (Поправляет юбки.) Шенье, пойдешь со мной.

ШЕНЬЕ. Но мадам...

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Да не буду я тебя бить. И спрячь это... (Показывает на фаллос.)

Шенье натягивает на фаллос сюртук. Теперь у него на паху огромный бугор.

Спускаются по лестнице к двери.

Мадам Бальдини открывает.

В проёме стоит Гренуй.

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Чего тебе, оборванец?

ГРЕНУЙ. Мэтр Грималь прислал козловые шкуры, мадам.

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Какие шкуры? Зачем нам козловые шкуры, Шенье?

ШЕНЬЕ. Для бювара графа Верамона, мадам.

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Мы уже заплатили за них, Шенье?

ШЕНЬЕ. Да, мадам. По пятнадцать франков за кусок, мадам.

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Святые небеса! Впусти его, Шенье.

Шенье пропускает Гренуя в дом.

Они идут по коридору в мастерскую, где стоят склянки и тигли.

И запахи, запахи, запахи...

И тут Гренуя делается дурно. Он видит, как берет эти восхитительные запахи и создает из них еще более великолепные. Он плывет в них, тонет, снова плывет. Он танцует в них, летит, кружится. Они теперь его. Весь этот мир запахов его. Он теперь свободен. Он знает, что может. И ему теперь кажется, что он даже знает – ЗАЧЕМ.

Гренуй падает и шепчет:

ГРЕНУЙ. Амбра... цибетин... пачули... бергамот... ветиверия... опопанакс... росной ладан... сандаловое дерево... хмель... бобровая струя... лиметта... корица... жасмин... нарцисс...

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Чего это с ним?

ШЕНЬЕ. Может этот антракс... У него рубцы...

МАДАМ БАЛЬДИНИ (отскакивает). Убери его, Шенье!

ШЕНЬЕ. Почему я, мадам? Пусть Дрюо...

ГРЕНУЙ. ...розовое дерево... ирис... камфара... кипарис... мускус... померанец... мирра... сосна... гвоздика... мускат... тубероза... ваниль...

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Ты бездельник и симулянт, Шенье!

ШЕНЬЕ. Как будет угодно мадам. (Пятится.)

ГРЕНУЙ. ...фиалка... лаванда... миндаль... шеллак... розмарин... шалфей... тмин... мята... анис... винный спирт... дрова... дрова... дрова...

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Убери это, Шенье!!!

Гренуй открывает глаза.

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Прочь, оборванец!

ГРЕНУЙ. Я хочу здесь работать, мадам...

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Ты слышал это, Шенье?!

ГРЕНУЙ. Я хочу у вас работать, мадам.

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Он не уходит, Шенье!

ГРЕНУЙ. Я могу составить для вас любые духи, мадам. Даже те, что у вас в кармане, мадам. Это «Амур и Психея». И мне не надо денег, мадам.

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Убери это, Шенье!

ШЕНЬЕ. Сами, мадам...

ГРЕНУЙ. Я могу составить для вас «Амур и Психея». Но это плохие духи. В них много бергамота и розмарина. И мало розового масла. Я сделаю их лучше...

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Что он несёт, Шенье?! Прочь! Убери его, Шенье!

ШЕНЬЕ. Я не могу, мадам.

ГРЕНУЙ. Я сделаю для вас духи, и вы увидите... (Подходит к стеллажам.) Нужен апельсиновый цвет... (Берет апельсиновый цвет, ставит на стол.) Лиметтовое масло, гвоздичное масло...

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Что он делает, Шенье! Шенье!!!

ГРЕНУЙ. ...Розовое масло. Экстракт жасмина...

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Экстракт жасмина, Боже мой! Он нас разорит!

ГРЕНУЙ. Бергамот... Розмарин... И вот это... (Показывает на бутылку с серо-желтым бальзамом.)

ШЕНЬЕ (шепотом). Стиракс...

ГРЕНУЙ. Стиракс... Стиракс... Стиракс...

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Шенье!!!

ГРЕНУЙ. Я сделаю их... (Начинает наливать ингредиенты в смеситель.)

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Шенье!!! Дрюо!!! (Падает в кресло.)

Шенье бежит за Дрюо.

Гренуй смешивает.

Мадам Бальдини без чувств.

ГРЕНУЙ. Я должен здесь работать... Это моя жизнь... Я родился для этого... здесь... больше нигде... я должен... я смогу... я докажу... здесь... нигде... здесь... здесь...

Гренуй заканчивает, подносит духи мадам под нос.

Мадам открывает глаза.

Убегают Шенье и Дрюо. В руке Дрюо огромный латунный фаллос. Дрюо замахивается.

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Стой... Шенье, понюхай это...

ШЕНЬЕ. Но мадам...

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Я сказала, понюхай, Шенье!

Шенье нюхает приготовленные Гренуем духи. Меняется в лице.

ШЕНЬЕ. Похоже, мы нашли золотую жилу, мадам.

МАДАМ БАЛЬДИНИ (встает с кресла). Как тебя зовут, молодой человек?

ГРЕНУЙ. Жан-Батист, мадам.

МАДАМ БАЛЬДИНИ (стряхивает с сюртука Гренуя пыль). И твой хозяин - мэтр Грималь?

ГРЕНУЙ. Да, мадам.

МАДАМ БАЛЬДИНИ. И, кажется, ты говорил, что тебе не нужны деньги?

ГРЕНУЙ. Не нужны, мадам.

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Шенье...

ШЕНЬЕ. Слушаю, мадам.

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Шенье...

ШЕНЬЕ. Да, мадам...

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Шенье...

ШЕНЬЕ. Я здесь, мадам.

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Шенье... Беги к этому Грималю и предложи ему любые деньги за эту золотую жилу.

ШЕНЬЕ. Слушаюсь, мадам.

Шенье выскакивает на улицу и с торчащим латунным фаллосом несется через весь город в дубильню к Грималю.

И время несется вместе с ним.

Наполняются монетами, как пылью, сундуки мадам Бальдини. Цветет её дело. Шныряют восхищенные клиенты. Приобретаются фаллосы невероятных размеров. Применяются по назначению.

Мелькает лицо Грималья. Вот он пьян. Вот идет по набережной Вязов. А вот его тело тихо плывет на запад по холодной Сене в сопровождении газетных листов и мусора.

А Гренуй учится перегонять, дистиллировать, смешивать, мацерировать. Постигает анфлераж, дигерирование, лаваж и прочие премудрости.

Но всё чаще и чаще сомнения посещают его. И вдруг остановившись, он задает в пустоту один и тот же вопрос: «Зачем?.. Зачем?.. Зачем?..»

И ждет ответа...

А ответа всё нет...

ЗАПАХ ШЕСТОЙ

Мастерская в доме на мосту Менял. Гренуй и Дрюо мацерируют нарциссы.

Стоит густой запах кипящего жира и нарциссов.

Шенье в магазине воркует с клиентами.

ДРЮО. Мадам еще не приглашала тебя пристегнуть такую штуковину?

ГРЕНУЙ. Нет...

ДРЮО. Вряд ли она тебя пригласит. Потому что ты урод... Ты же урод?.. Ты урод, Гренуй?

ГРЕНУЙ. Если вам так угодно...

ДРЮО. Даааааа, ты урод, Гренуй. Ты самый уродливый на свете. Мадам называет тебя крысой. А Шенье – жабой. А хочешь знать, как называю тебя я, а? Хочешь, а?

ГРЕНУЙ. Если вам угодно...

ДРЮО. Я называю тебя тараканом! (Ржет.) Ты уродливый таракан, Гренуй! Ты таракан, Гренуй! А знаешь, почему ты таракан, Гренуй? Потому что, как ты появился, стало много работы. Раньше нужно было приготовить одну воду для фонтанов и немного попотеть с мадам. Это хоть и нелегко, но зато я был всегда свободен, а теперь... Они идут и идут... Вот почему ты таракан. И потому что ты урод...

ГРЕНУЙ. Как вам будет угодно...

ДРЮО. Да, мне будет угодно! Потому что ты таракан и урод! Ты таракан, Гренуй? Таракан?

Вдруг Гренуй замирает, смотрит куда-то в сторону.

ДРЮО. Ты таракан?! Таракан?! Таракан?!.. Ты чего не отвечаешь? Куда ты смотришь? Смотри...

ГРЕНУЙ. Там...

ДРЮО. Что там?

ГРЕНУЙ. Там...

ДРЮО. Крыса, что ли?

ГРЕНУЙ. Там... Что-то...

ДРЮО. Не пугай меня, слышишь! Я не боюсь крыс!

ГРЕНУЙ. Там...

ДРЮОО. Не пугай меня, сказано!

ГРЕНУЙ. Там... Она... Она пахнет...

ДРЮОО. Кто она? Мадам?

ГРЕНУЙ. Там... Она пахнет... Так... Это другой запах... Он... Она пахнет по-другому...
Лучше... Лучше всего... Как дрова... Или лучше... Она пахнет...

ДРЮОО. Что ты несешь?!

ГРЕНУЙ. Там... Там... Как дрова... Она пахнет...

Идёт в магазин.

Дрюо за ним.

В это время в магазин входит девочка. Ей лет тринадцать-четырнадцать. И она очень красива.

Гренуй смотрит.

Девочка бросает на него беглый взгляд и тут же отворачивается.

Гренуй чувствует, как от неё исходит какой-то непонятный восхитительный аромат. Этот аромат проникает в Гренуя, пробивается в его сердце, наполняет его кровь, заливает каждую клетку, соединяется с каждой молекулой его. Греную кажется, что он покидает свое тело и летит, парит над прилавком, над Шенье, над Дрюо, над этим домом запахов, над мостом Менья, над рекой, над городом, над всем миром.

Гренуй слышит лишь обрывки фраз...Искаженные голоса...

ДЕВОЧКА. Я пришла забрать заказ для мадам Кольто...

ШЕНЬЕ. Конечно...

ДЕВОЧКА. Благодарю, вас...

ШЕНЬЕ. Что вы...

ДЕВОЧКА. Мадам Кольто просили передать для мадам Бальдини газету...

ШЕНЬЕ. Непременно передам, ангел мой...

ДЕВОЧКА. Прощайте...

ШЕНЬЕ. Прощайте, ангел...

ДРЮОО. Посмотри на этого таракана, Шенье...

ШЕНЬЕ. Похоже, жабёнок влюбился...

ДРЮОО. Он влюбился...

Долгий ухающий хохот.

ШЕНЬЕ (похоже, читает). «К. никогда не испытывал никакого влечения к женщине, наоборот, красивые мужчины, в особенности в панталонах для верховой езды, оказывали на него особое, раздражающее влияние... Много онанировал...» Нужно отнести мадам...

ДРЮОО. Смотри на него...

Ржут...

Тишина.

Гренуй приходит в себя.

Магазин пуст.

Нет ни девочки, ни Шенье, ни Дрюо.

Гренуй обессиленный садится на пол.

По лестнице спускается Дрюо.

ДРЮО. Хороша, да? Хороша?..

ГРЕНУЙ. Она... она пахнет... Лучше... По-настоящему...

ДРЮО. Хочешь её, да?

Гренуй не отвечает.

ДРЮО. Только она никогда не будет твоей, таракан... Никогда, слышишь ты, урод... Потому что ты урод, Гренуй! Ты урод! Урод! Урод! Урод... (Ржёт Греную в лицо.)

И тут впервые в жизни Гренуй начинает плакать.

Слёзы текут по его лицу, и оно покрывается страшными нарывами. Гренуй заползает в свою постель и не дышит. От него идет пар, как от загнанной лошади. Его суставы выгибаются, как ветки старого дерева.

Он умирает. Он знает это.

Но смерть не идет...

ЗАПАХ СЕДЬМОЙ

Темнота. Голоса.

ПЕРВЫЙ. Он умирает...

ГРЕНУЙ. Дрова... Она пахнет...

ВТОРОЙ. Можно обойтись без гроба...

ГРЕНУЙ. Дрова... дрова...

ТРЕТИЙ. Ему уже не помочь...

ГРЕНУЙ. Она... пахнет...

ЧЕТВЕРТЫЙ. Сожгите постель и одежду...

ГРЕНУЙ. Дрова... пахнет...

ПЕРВЫЙ. Какого он происхождения?..

ГРЕНУЙ. Дрова... дрова...

ВТОРОЙ. Погребение не обойдется дорого...

ГРЕНУЙ. Пахнет... Лучше...

ТРЕТИЙ. Это неизвестная болезнь... даже газеты не упоминают...

ГРЕНУЙ. Дрова... дрова... пахнет...

ЧЕТВЕРТЫЙ. Засыпьте здесь всё известью...

ГРЕНУЙ. Она... дрова...

ПЕРВЫЙ. Найдите другого...

ГРЕНУЙ. Дрова... дрова... пахнет... она...

ВТОРОЙ. Я приготовлю мешок... дорога до кладбища пол франка...

ГРЕНУЙ. Дрова... дрова...

ТРЕТИЙ. Нужен священник... но можно и без него...

ГРЕНУЙ. Пахнет...

ЧЕТВЕРТЫЙ. Засыпьте его известью... сейчас...

ГРЕНУЙ. Дрова...

Голоса исчезают.

**Гренуй открывает глаза.
Он в подвале. Его покрывает толстый слой извести.
Гренуй встаёт на ноги. Очищает лицо, руки, одежду.
Он весь в болезненных рубцах и ожогах от гашения.
Гренуй находит лестницу и поднимается по ней в мастерскую.
Дрюо, заметив, его шарахается.**

ДРЮО. Шенье! Он не умер! Мадам...

ШЕНЬЕ. Ты куда? Иди в подвал...

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Вернись в подвал... Шенье, останови его! Дрюо!

ШЕНЬЕ. Дрюо...

ДРЮО. Моя спина, мадам...

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Ты бездельник... Шенье!

ШЕНЬЕ. Сами, мадам...

ГРЕНУЙ. Мне надо... Туда... Я должен...

Гренуй проходит мимо Дрюо, мимо Шенье, мимо мадам Бальдини.

Он выходит на улицу, по которой ползет человеческая река. В небе разрываются фейерверки. Пахнет дымом и химикатами. Гренуй принюхивается, находит нужное направление и, шатаясь, как пьяный, идёт против течения человеческого потока. Люди толкают его, ругаются, отскакивают, увидев его лицо. Гренуй протискивается через эту воняющую и смердящую массу. Наконец, он сворачивает в какой-то закоулок, движется, придерживаясь за стену. И вот он попадает в маленький дворик под навесом. За столом сидит та самая девочка, что приходила в магазин. Она чистит мирабель. И она прекрасна...

**В небе грохочут фейерверки.
Гренуй замороженный стоит в тени навеса.
Девочка оборачивается.**

ДЕВОЧКА. Что вам угодно, сударь?..

ГРЕНУЙ. Я...

ДЕВОЧКА. Вы пришли к мадам, сударь?

ГРЕНУЙ. Я... (Делает шаг в её сторону.)

Теперь она видит его лицо. Пугается.

ДЕВОЧКА. У вас проказа, сударь...

ГРЕНУЙ. Я...

ДЕВОЧКА. Вам нельзя здесь быть... Уходите!

ГРЕНУЙ. Вы... Я... (Подходит.)

ДЕВОЧКА. Пойдите прочь...

ГРЕНУЙ. Я должен... Я...

ДЕВОЧКА. Я буду кричать...

ГРЕНУЙ. Я не знаю... Я не умею... Я должен...

ДЕВОЧКА. Не надо!..

ГРЕНУЙ. Скажите, что я должен... Я...

ДЕВОЧКА. Вы должны уйти!

ГРЕНУЙ. Я не могу... Я должен... Я не знаю...

ДЕВОЧКА. Уходите!

ГРЕНУЙ. Я... должен...

Девочка кричит.

Гренуй опускает руки на ее шею. Держит. Долго, долго.

Наконец, девочка оседает на землю.

Гренуй вместе с ней.

Обнимает её, прижимает к себе, нюхает её волосы, губы, щеки, плечи, тело...

ГРЕНУЙ. Зачем?.. Зачем?.. зачем... зачем... зачем... зачем...

Из темноты выходит женщина.

ЖЕНЩИНА. Ты всё еще не знаешь: зачем?

ГРЕНУЙ. Я не знаю... Мне не нужно этого... Я не хочу это!

ЖЕНЩИНА. Зачем?

ГРЕНУЙ. Зачем?

ЖЕНЩИНА. Ты узнаешь... Или нет...

Уходит.

ГРЕНУЙ. Зачем?

Бежит за ней. Но женщины нигде нет.

Гренуй бежит дальше. Бежит через весь город. За город.

И время бежит...

В доме парфюмера Бальдини покупаются все новые и новые игрушки для мадам. И однажды они становятся такими огромными, что мадам Бальдини не выдерживает и умирает.

Мелькают перепуганные лица Шенье и Дрюо. Вот палач разбивает им суставы железным прутом. Шенье умирает сразу, Дрюо же еще живет три дня и даже просит зевак почесать ему нос. Но никто не отваживается это сделать. Наконец, умирает и Дрюо. Умирает со страшно чешущимся носом.

А Гренуй поднимается на гору Плон-дю-Канталь, забирается в пещеру и сворачивается калачиком.

И только тогда время прекращает свой бешеный бег.

ЗАПАХ ВОСЬМОЙ

Бескрайнее белое пространство. Белая трава и белые деревья растут на белой земле. Белые птицы и белые букашки летят по белому небу. Белое солнце и белая луна отражаются в белых водах рек и озер.

Гренуй с чистым лицом сидит на белой траве. С ним его мать в белой одежде.

Не пахнет ничем.

МАТЬ. Я не могу любить тебя, Жан-Батист...

ГРЕНУЙ. Я знаю... Но я не знаю: почему.

МАТЬ. Я не умею. Я никого никогда не любила. Я хотела выйти замуж за овдовевшего ремесленника, но не собиралась любить его. Как это – любить? Я не знаю...

ГРЕНУЙ. Значит, ты не скажешь мне?

МАТЬ. Нет. Я не знаю... И никогда не знала... (Её голос надламывается.) И уже не узнаю, слава...

Гренуй поворачивает голову к матери.

На её месте сидит мадам Гайар.

МАДАМ ГАЙАР. В детстве отец ударил меня кочергой по лбу, и больше я ничего никогда не чувствовала. Я спала с женщиной, рожала ему детей, но не чувствовала ничего. Меня уже

не было. Я жила, чтобы умереть. Но смерть обманула меня. Ничего в мире нет – только смерть. И деньги...

Теперь это уже мэтр Грималь.

ГРЕНУЙ. Есть дрова, есть стиракс, есть запахи...

ГРИМАЛЬ. Газеты пишут не об этом. В газетах о другом. Никого не интересуют дрова, пока не наступит зима. И кому нужны запахи, если заложен нос. Запахи полезны...

Грималь превращается в мадам Бальдини.

МАДАМ БАЛЬДИНИ. ...когда они продаются. Сам по себе запах ничто. Пустое место, воздух, призрак.

ГРЕНУЙ. Но девочка...

ШЕНЬЕ. Тебе показалось...

ГРЕНУЙ. Она пахла...

ДРЮО. Ты придумал это, чтобы оправдать себя...

ГРЕНУЙ. Нет, она пахла!

МАТЬ. Запахов нет. Ты придумал их.

ГРЕНУЙ. Не обманывай меня!

МАДАМ ГАЙАР. Нет дров, нет стиракса. Ты придумал это...

ГРЕНУЙ. Есть!

ГРИМАЛЬ. Нет.

ГРЕНУЙ. Вы не знаете! Пахнет всё! Трава! Деревья, вода, земля, козий хлев, болезнь, молоко, дым, курица, хлеб, дом, колодец, герань, дрова, дрова, дрова...

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Ничего нет. Обернись.

Гренуй оборачивается по сторонам.

Вокруг него мечутся тени.

ВСЕ. Никому твои запахи не нужны! Твой нос бесполезен! А сам ты ничем не пахнешь! Ты призрак! Ты ничто! Ты просто воздух! Ты никому не нужен! Тебя нет! Ты придумал себя! Тебя никогда не было! Никогда! Никогда! Никогда! Никогда!

Гренуй кричит, как зверь.

Белый мир раскалывается. Проступают корявые черные свода пещеры.

Гренуй один. Он похож на чудовище. Его волосы отросли до колен, жидкая борода – до пупа. Ногти стали похожи на птичьи когти.

Гренуй скидывает лохмотья и жадно нюхает себя. Долго, упорно.

Снова кричит.

Снова нюхает и опять кричит.

И вдруг на его лице проступает что-то необъяснимое. Странное.

ГРЕНУЙ. Теперь я знаю! Теперь я знаю! Теперь я знаю!

Из темноты выходит женщина.

Она просто кивает ему и исчезает.

Гренуй встает, облачается в свои лохмотья и выбирается из пещеры.

Он спускается с горы и движется в направлении ближайшего города.

На его лице триумф...

* * * * *

ЗАПАХ ДЕВЯТЫЙ

Гренуй идет по пшеничному полю. К мокрой одежде его прилипла пыльца.

Пахнет травой.

Гренуй вдруг останавливается, принохивается. Замечает позади себя кучку крестьян. Они вооружены рогатинами и вилами. И они бегут в его сторону.

Гренуй пытается бежать, но падает. Поднимается и снова падает.

Крестьяне наступают на него. Они издают какие-то гортанные вопли, словно гонят зверя в ловушку охотников.

Гренуй прижимается к земле. Закрывает голову руками.

Рогатины втыкаются рядом с его скрюченным тельцем.

ПЕРВЫЙ. Волкодлак! Я поймал волкодлака!

ВТОРОЙ. Глянь какой, Святые угодники!

ТРЕТИЙ. Адово создание! Настоящее чудище...

ЧЕТВЕРТЫЙ. Дьявол во плоти того!

ПЕРВЫЙ. Это волкодлак. Я уже видел таких в Руане...

ВТОРОЙ. У него одежда! Глянь...

ТРЕТИЙ. Успел сожрать кого-то!

ЧЕТВЕРТЫЙ. Надо вспороть ему брюхо того! Вдруг там золото того... Или монеты того...

ГРЕНУЙ. Я... я... человек...

ВТОРОЙ. Рычит, глянь... Как медведь... Не рычи, гадина!

ЧЕТВЕРТЫЙ. Осторожно того! Может что-нибудь откусить того...

ПЕРВЫЙ. Нужно связать его!

ТРЕТИЙ. Убьем сразу...

ГРЕНУЙ. Я... пожалуйста...

ВТОРОЙ. Опять рычит, глянь. Не рычи сказано! Он перепугал всех женщин в деревне! У одной даже роды сделались не в срок...

ЧЕТВЕРТЫЙ. И скотина перестала доиться того. И куры нестись того. И урожай не тот того. И дождя мало того. И пчелы дохнут того. И вода в колодцах горчит того...

ГРЕНУЙ. Я ничего не сделал...

ВТОРОЙ. Рычит тварь!

ГРЕНУЙ. Я ничего...

ВТОРОЙ. Не рычи, сказано!

ТРЕТИЙ. Проклятье от него... Давайте убьем его. Колом...

ПЕРВЫЙ. Нет! Я его поймал!

ВТОРОЙ. А скотина-то и женщины наши.

ЧЕТВЕРТЫЙ. И колодцы того. И пчелы того...

ТРЕТИЙ. Убьем его!

Замахивается вилами.

Первый отталкивает его.

ПЕРВЫЙ. Не тронь! Я продам его в цирк в Грасе. За него деньги большие дадут ...

ГРЕНУЙ. Я парфюмер... Меня похитили...

ВТОРОЙ. Не рычи!

Бьет Гренуя ногой в лицо.

ПЕРВЫЙ. Не порть мой товар!

ТРЕТИЙ. А почему это он твой?

ПЕРВЫЙ. Потому что я его поймал.

ТРЕТИЙ. А поле-то наше...

ЧЕТВЕРТЫЙ. Наше того...

ТРЕТИЙ. И пшеница наша потоптана.

ВТОРОЙ. И куры наши, глянь...

ТРЕТИЙ. А ты... (Бьет вилами в живот Первому.) Вот твоё...

Второй и Четвертый после неловкой паузы делают тоже самое.

Первый падает.

Пахнет кровью.

Гренуй принохивается.

ВТОРОЙ. Кровь почуял, звереныш, глянь! Вон как. У ты, глянь...

ЧЕТВЕРТЫЙ. Как бы не взбесился того... А то не справимся того...

ТРЕТИЙ. Вяжи его скорей.

Вяжут Гренуя.

ВТОРОЙ. В цирк он сказал, значит?

ЧЕТВЕРТЫЙ. За большие деньги сказал того...

ВТОРОЙ. Газету купим, глянь...

ТРЕТИЙ. Этого потом зароем. Поташили...

Волокут Гренуя по полю.

Гренуй не сопротивляется.

Крестьяне поют какую-то веселую песню.

Солнце стоит в зените.

И вдруг начинает быстро плыть по небу. Высыпают звезды. Под ними шатер цирка. Клетка. В клетке Гренуй. Люди швыряют в него камни и палки. Дразнят. Выкрикивают ругательства. Кормят земляными орехами...

А по полю плетутся три крестьянина. Они пьяны. Роют могилу. Третий бьет Второго и Четвертого лопатой. Выгребает монеты. Спотыкается и падает в могилу. Второй и Четвертый на него. С края могилы сыплется земля. Сыплется, сыплется, сыплется...

Звезды тускнеют.

Солнце снова в зените...

ЗАПАХ ДЕСЯТЫЙ

Шатер цирка. Под ним клетки с уродцами. «Человек-слон», «Женщина-мужчина», «Сиамские близнецы», «Человек-червь», «Шестигрудая девушка», «Двуглавый мальчик», «Четырехрукая Луизетта», «Полчеловека» и «Волкодлак-Гренуй».

Уродцы поглощают свой ужин в своих клетках-квартирах. Клетки задернуты тканью.

Пахнет кислой капустой и ржаным плесневелым хлебом.

Из-за ширмы выходят хозяин Тайад-Эспинас, Риши и его дочь Лаура.

РИШИ. Понимаете, что мне не очень бы хотелось посещать ваше... вашу... ваше... эту... выставку...

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Галерею...

РИШИ. Галерею... в обычные часы. При моем положении и прочее.

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Конечно, господин Риши!

РИШИ. Но потому как моя единственная дочь Лаура соизволила взглянуть на то... на тот... на этот... эх... эг... эхз...

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Экспонат.

РИШИ. ...экспонат, о котором так много писали газеты, я не смог отказать ей и прочее.

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Всегда рады, господин Риши! К тому же у вас прекрасная дочь, господин Риши. Просто ангел во плоти, господин Риши. Прекрасный кому-то достанется экс...

РИШИ. Попрошу без намеков ...

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Я и не думал, господин Риши... А газеты действительно много писали. Вот, например. (Достаёт вырезку, читает.) «В лесах неподалеку от Граса поймано крестьянами весьма странное существо, при исследовании наружности оказавшееся волкодлаком. Выяснилось, что существо уже в течение пяти лет обитало поблизости, от чего наносило ощутимый урон посевам, удою коров и качеству колодезных вод. В поимке вышеупомянутого существа принимали участие сто пятьдесят гвардейцев и пятьсот крестьян из числа волонтеров. Примечателен тот любопытный факт, что все пятьсот крестьян, имевшие отношение к поимке волкодлака, загадочным образом бесследно исчезли и впоследствии не были обнаружены. Об исчезновениях среди гвардейцев пока ничего не сообщается. Существо передано на хранение и публичную демонстрацию известному господину Тайад-Эспинасу». Вот как! Я выложил за это пятнадцать ливров и газету. И не жалею.

РИШИ. А куда исчезли крестьяне?

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Бесследно...

РИШИ. А мы не того... не... это... не исчезнем?

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Как можно, господин Риши! Оно в клетке. Оно не опасно. И с вашим положением... Оно не посмеет...

РИШИ. А то не хотелось бы...

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Галерея гарантирует, господин Риши.

РИШИ. Показывайте.

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Сейчас, господин Риши!

Забегал, засуегился.

РИШИ. Лаура, встань рядом.

ЛАУРА. Но, папенька!

РИШИ. Лаура!

Лаура встает рядом с Риши.

Тайад-Эспинас сдергивает ткань с клетки Гренуя.

Риши и Лаура издают вздох изумления.

Гренуй сидит к ним лицом, вцепившись в клетку. Он смотрит на Лауру с зажмуренными глазами. Не шевелится.

Лаура закрывает лицо руками, смотрит на Гренуя сквозь пальцы.

ГОЛОС. Нога болит...

Риши и Лаура подпрыгивают.

А Риши даже слегка вскрикивает.

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Замолчи! Это я не вам, господин Риши. Это я ему, господин Риши. Там - Человек-слон, господин Риши. У него вода в теле, в особенности в ноге, и давит.

Риши кивает.

ЛАУРА. Папенька, оно безобразно!

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Вершина уродства. Пятнадцать франков и газета.

РИШИ. Похоже на беглого галерника. Почему оно не двигается?

ЛАУРА. Совсем не двигается.

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Спит, поди. Сейчас...

РИШИ. Надобно разбудить...

ТАЙАД-ЭСПИНАС. С превеликим удовольствием, господин Риши.

Тычет в Гренуя палкой.

Гренуй не реагирует.

Тайад-Эспинас рычит, бьет палкой, скачет перед Гренуем.

Вдруг Гренуй отпускает решетку, открывает глаза.

ГРЕНУЙ. Лаура...

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Ааааа! Проснулся?!

ЛАУРА. Оно что-то сказало, папенька.

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Рычит...

РИШИ. Оно прямоходячее?

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Затруднительно сказать.

РИШИ. Пусть попрыгает.

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Никак невозможно, господин Риши. Даже при вашем положении. Не дрессировано. Пока...

РИШИ. А вы палкой...

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Возможны последствия, господин Риши... Клетки не совсем прочны...

РИШИ. Тогда не надо палкой. Закрывайте.

ЛАУРА. Но, папенька...

ГРЕНУЙ. Лаура...

ЛАУРА. Опять говорит.

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Рычит.

РИШИ. Пойдем, Лаура.

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Давайте я попрыгаю, господин Риши?

РИШИ. В другой раз.

ТАЙАД-ЭСПИНАС. А не хотите ли Человека-слона еще? Или близнецов приросших? Тоже щекочущие экземпляры.

РИШИ. В другой раз...

ТАЙАД-ЭСПИНАС. А Человека-червя? Или персонально для вас – Луизетта... (Шепотом.) О шести, так сказать, женских... прелестях... Очень пикантное зрелище. Можно даже сравнивать с газетами...

РИШИ (задумывается). В другой раз. (Берет Лауру за руку, уводит.)

Тайад-Эспинас поспешает за ними.

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Вам понравилось, господин Риши?

РИШИ. Любопытно. В особенности для пытливого ума.

ТАЙАД-ЭСПИНАС. В особенности для такого, как ваш, господин Риши. Чудеса природы и прочее. Раз уж вам понравилось и было любопытно, господин Риши, то не могли бы вы, пользуясь, так сказать, чуть-чуть своим положением, замолвить за меня словечко в совете. Это по вопросу орешков, которые я продаю для угощения экспонатов, а вынужден платить налог, как с орешков, которые идут для публики. Не моя вина в том, что эти орешки некоторые из низших сословий поедают сами и даже уносят с собою...

РИШИ. Я рассмотрю вашу просьбу...

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Премного благодарен вам, господин Риши...

Уходят.

Тишина.

ЧЕЛОВЕК-СЛОН. Нога болит...

Тишина.

ЧЕЛОВЕК-СЛОН. Нога болит...

Кто-то отрывисто смеется.

ЧЕЛОВЕК-СЛОН. Нога болит...

ЛУИЗЕТТА (сдергивает ткань со своей клетки-квартиры). Заткнись!

ЧЕЛОВЕК-СЛОН (тихонько). Но... га...

ЛУИЗЕТТА. Опять он начал! Святые небеса! Теперь на всю ночь... (Греную.) Эй, новенький...

Гренуй не отвечает.

Луизетта тянется к нему всеми своими четырьмя руками.

ЛУИЗЕТТА. Почему ты думаешь о её запахе?

ГРЕНУЙ. Что?

ЛУИЗЕТТА. Ты думаешь, что она пахнет очень хорошо...

ГРЕНУЙ. Я... она пахнет...

ЛУИЗЕТТА. Я знаю. Но ты все время думаешь о её запахе. Почему?

ГРЕНУЙ. Откуда?..

ЛУИЗЕТТА. Я могу слышать, как ты думаешь... Да. Но они об этом не знают.

ГРЕНУЙ. Зачем тогда спрашивать?

ЛУИЗЕТТА. Чтобы ты думал. Так почему ты думаешь о ней?

ГРЕНУЙ. Она пахнет...

ЛУИЗЕТТА. Все пахнут.

ГРЕНУЙ. Она не так.

ЛУИЗЕТТА. А как?

ГРЕНУЙ. Она пахнет по-настоящему.

ЛУИЗЕТТА. А ты кто? Волкодлак?

ГРЕНУЙ. Нет.

ЛУИЗЕТТА. А кто?

ГРЕНУЙ. Я не знаю.

ЛУИЗЕТТА. Ты похож на человека...

ГРЕНУЙ. Может быть...

ЛУИЗЕТТА. Ты не знаешь?

ГРЕНУЙ. Не знаю. Меня так никогда не называли.

ЛУИЗЕТТА. Меня тоже.

ГРЕНУЙ. Они говорили, что я таракан или жаба. А еще дьявол...

ЛУИЗЕТТА. Но ты сам не считаешь себя человеком...

ГРЕНУЙ. Может быть...

ЛУИЗЕТТА. Ты думаешь, человеком быть плохо?

ГРЕНУЙ. Я не знаю. Я никогда им не был...

ЛУИЗЕТТА. А хотел бы? Хотел бы встать по ту сторону решетки?..

ГРЕНУЙ. Сейчас нет. Тогда, давно... Я не помню...

ЛУИЗЕТТА. Я знаю. Я здесь почти с самого рождения. Меня купили у цыган. А те привезли меня из Индии. Знаешь, что такое Индия?

ГРЕНУЙ. Нет.

ЛУИЗЕТТА. Индия – это где такие, как я, называются Богом. Знаешь, что такое Бог?

ГРЕНУЙ. Нет. Это что-то, пахнущее ладаном и селитрой...

ЛУИЗЕТТА. Бог – это то, что больше, чем человек. И в Индии я могла бы быть им. А здесь я просто Четырехрукая Луизетта. Они приходят поглазеть на меня, но не знают, что я вижу их мысли. И эти мысли совсем не такие, как они сами. Они маленькие, серые и одинаковые. Они о монетах, еде, половых органах, газетах и еще о том, как хорошо, что они не такие, как мы... А твои мысли... Когда ты появился, ты думал... Впрочем, ты сам знаешь, о чем я. И сейчас ты иногда об этом думаешь. Ты готов сделать это?

ГРЕНУЙ. Я...

ЛУИЗЕТТА. Я рада, что ты готов.

ГРЕНУЙ. Я не знаю.

ЛУИЗЕТТА. Ты знаешь. Но чтобы сделать это, ты должен выйти отсюда. Так ведь?

ГРЕНУЙ. Должен.

ЛУИЗЕТТА. Я знаю, как это сделать. Но пообещай мне, что я буду свидетелем твоего...

ГРЕНУЙ. Я обещаю...

ЛУИЗЕТТА. Заткнись!

ЧЕЛОВЕК-СЛОН. Нога болит...

ЛУИЗЕТТА. Он притворяется. Он хочет, чтобы ему дали мазь. Он ест эту мазь. Он всё ест. Даже то, что из него выходит...

ГРЕНУЙ. Вы сказали...

ЛУИЗЕТТА. Я помню. Выход под тобой. Отогни настил.

Гренуй скатывает циновку.

ЛУИЗЕТТА. Там люк. Но помни, ты должен вернуться до утра...

ГРЕНУЙ. Я вернусь.

ЛУИЗЕТТА. Я знаю. Я хочу видеть это...

Гренуй кивает.

Открывает люк.

ЛУИЗЕТТА. У реки есть пустая кузня. Один зритель думал о её покупке. Ты можешь сделать мастерскую там. Только где ты возьмёшь все необходимое?

ГРЕНУЙ. Я достану. Они не знают, что дрова пахнут по-разному. Они топят ими печи. Им нужен только пошлый запах. И они не видят настоящего. Им проще... им легче... но я не хочу так...

ЛУИЗЕТТА. Я знаю. Иди...

Гренуй кивает и ныряет в люк.

ЛУИЗЕТТА. Мы с тобой очень похожи...

Но Гренуй уже бежит в сторону реки.

А река несет свои воды быстро-быстро. Несет мусор, рыбы чешуйки, детские кораблики, отбросы, сорвавшиеся неводы и бутылки с письмами. Несет быстро, стремительно, почти не заметно. И так же быстро ночь сменяется днем, а день ночью...

Ночью Гренуй делает какие-то приготовления. Жир, ткань, дубинка, винный спирт...

Днем сидит в своей клетке.

Ночью идет по городу и нюхает воздух.

Днем - зеваки и орешки.

Ночью - комнаты домов, дворы, огонь в печи кузни и кипящий в котле жир. И платья, и волосы, и белые лица...

Раз за разом. Ночь за ночью. День за днем...

ЗАПАХ ОДИННАДЦАТЫЙ

Дом господина Риши. Большой дом. Со множеством коридоров и комнат, мебели и безделушек, слуг и жильцов.

Комната Лауры Риши.

Лаура лежит в своей постели. Спит. И источает аромат, который напоминает запах дров и мирабели.

Из тени выходит Гренуй. Он похож на грифона. Такой же странно непропорциональный и жутковатый в полуночном свете. И он не дышит. И почти не шевелится.

Лаура что-то бормочет во сне.

Гренуй вздрагивает, но не шарается. А лишь склоняется над ней. Нюхает. Долго, внимательно, упоенно.

ЛАУРА (во сне). Не надо щекотать меня...

ГРЕНУЙ. Я не буду...

ЛАУРА. Зачем ты пришел?..

ГРЕНУЙ. Твой запах... Дай мне его.

ЛАУРА. Зачем тебе он?

ГРЕНУЙ. Мне надо. Дай мне его.

ЛАУРА. Скажи - зачем. Потом поглядим...

ГРЕНУЙ. Мне надо. Я хочу... Один раз... Я не могу сказать... Но мне надо.

ЛАУРА. Если так надо – бери...

ГРЕНУЙ. Я не знаю как...

ЛАУРА. Так вот же он... (Протягивает ему пустую ладонь.)

Пауза.

Гренуй тянет руку.

Лаура смеется и сжимает кулак.

ЛАУРА. Я пошутила! Ты его не получишь...

ГРЕНУЙ. Пожалуйста... У меня никогда не было. Дай мне его!

ЛАУРА. Нетушки! Не получишь! (Смеется.)

ГРЕНУЙ. Пожалуйста... Пожалуйста... Пожалуйста...

ЛАУРА. Нетушки! Нетушки! Нетушки!

ГРЕНУЙ. Пожалуйста... Я умру без него...

ЛАУРА. Умирай – никто не заплачет...

ГРЕНУЙ. Дай! (Хватает её за руку.)

ЛАУРА. Так нечестно. Так нечестно. Так нечестно.

ГРЕНУЙ. Дай!

ЛАУРА. Нечестно... нечестно... (Вдруг.) Кто здесь?

ГРЕНУЙ. Я...

Лаура визжит.

Гренуй отпускает её руку и выпрыгивает в окно.

Вбегает Риши. У него кортик.

РИШИ (машет кортиком перед собой). Кто здесь?!!!

ЛАУРА (плачет). Волкодлак хотел украсть мой запах, папенька!

РИШИ (осматривает комнату). Никого нет. Тебе приснилось.

ЛАУРА. Он убежал! В окно!

РИШИ (выглядывает в окно). Тебе приснилось. Собаки молчат...

ЛАУРА. Нет, папенька, я видела его!

РИШИ. Тебе приснилось. Спи...

Уходит.

Лаура плачет.

А Гренуй сидит на берегу реки. Держит что-то в сжатом кулаке. Держит аккуратно, словно там маленькая птица или бабочка. Наконец разжимает кулак. Там ничего нет. Гренуй кричит. Страшно, пронзительно.

Его крик несется над городом громовым раскатом. Люди, услышав его, отрываются от своих занятий, ежатся от холода.

Гренуй бежит в кузню.

И снова кипящий жир, платья, волосы, застывшие лица...

ЗАПАХ ДВЕНАДЦАТЫЙ

Цирк. Вечер. Тайад-Эспинас и какой-то мужчина стоят в проходе между клетками.

Лицо Тайад-Эспинаса мокрое и красное.

В руках у мужчины газета.

Пахнет потом.

МУЖЧИНА. Нашли еще одну! Вот газета! (Читает.) «Обнаружена еще одна жертва Грасско-го Убийцы Девушек. Как и все предыдущие двадцать четыре жертвы девушка отличалась изысканной красотой и по свидетельствам родственников хранила невинность. Убийца остриг ей волосы, обнажил, но, видимо, по-прежнему не вступал с вышеупомянутой жертвой в какие-либо сношения. Сей вышеупомянутый случай подвиг горожан громить поселения цыган, итальянских батраков-сезонников, парикмахеров и некоторых аристократов из числа подозреваемых в участях в оргиастических мессах. Убито уже около сотни из вышеупомянутого контингента. Полиция бездействует. Также продолжают случаи жалоб мастеров пар-

фюмерных дел на кражи из их мастерских. Пропадают...» Скоро они придут сюда! Цыгане и италяшки - все сбежали. Теперь ваша очередь...

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Я под защитой совета...

МУЖЧИНА. Их не остановить. Совет для них ничто. Они крушат все, что подозревают.

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Они не посмеют.

МУЖЧИНА. Посмеют. Они убью всех уродцев. И вас за одно. Нужно сворачивать дело и уезжать из города. Завтра же...

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Мне только снизили налог на орешки. Я не могу.

МУЖЧИНА. Как вам будет угодно...

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Стойте! Сколько лошадей нужно?..

МУЖЧИНА. Не меньше десяти.

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Это же целое состояние! Я не могу...

МУЖЧИНА. Можно затолкать их в ящики. Некоторых оставить...

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Оставить? Оставить... Можно и оставить. Человека-слона, например, и близнецов. Таких сейчас можно достать где угодно... Сколько теперь?

МУЖЧИНА. Пяти хватит.

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Боже мой! Это целая сотня! Вы разорите меня!

МУЖЧИНА. Выбор за вами...

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Боже мой! Я согласен... Вы найдете лошадей до утра?

МУЖЧИНА. Давайте деньги.

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Вы найдете?

МУЖЧИНА. Найду...

Тайад-Эспинас достает кошель. Отсчитывает монеты.

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Это целое состояние, Боже мой! Я почти разорен!

Мужчина берет у него деньги.

Тайад-Эспинас не дает.

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Не троньте!

МУЖЧИНА. Не будьте идиотом!

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Моё! Не дам! Не дам! Моё!!!

МУЖЧИНА. Дайте!

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Не смей! Моё!

МУЖЧИНА. Дайте сюда!

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Моё! Не троньте! Моё!

МУЖЧИНА. Давайте, идиот!

Вырывает деньги у Тайад-Эспинаса. Убегает.

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Моё... моё... вся моя жизнь... (Плачет, садится на пол.) Целая сотня... Сто монет... Чудовище... Вся моя жизнь...

ЧЕЛОВЕК-СЛОН. Нога болит, хозяин...

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Заткнись!

ЧЕЛОВЕК-СЛОН. Мази бы мне, хозяин...

ТАЙАД-ЭСПИНАС (визжит). Зааааттттткккннниисссьь!!!

ЧЕЛОВЕК-СЛОН. Мази...

Пауза.

ТАЙАД-ЭСПИНАС (вдруг решительно поднимается). Мази тебе?

ЧЕЛОВЕК-СЛОН. Мази, хозяин.

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Мази, значит?

ЧЕЛОВЕК-СЛОН. Мази...

ТАЙАД-ЭСПИНАС (берет железный прут, идет к клетке). Мази?

ЧЕЛОВЕК-СЛОН. Мази...

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Мази? (Срывает с клетки ширму.)

В клетке сидит Человек-слон. Его желеобразное тело расплылось от одного её края к другому так, что не разобрать, где голова, где руки, а где ноги. Видно только два глаза и, они похожи на собачьи.

ЧЕЛОВЕК-СЛОН. Мази...

ЛУИЗЕТТА. Не бейте его!

ТАЙАД-ЭСПИНАС (заходит в клетку). Мази?!!! (Со всего размаху бьет Человека-слона прутом.)

ЧЕЛОВЕК-СЛОН. Мази, хозяин...

Тайад-Эспинас бьет.

ЧЕЛОВЕК-СЛОН. Мази...

Тайад-Эспинас бьет.

ЧЕЛОВЕК-СЛОН. Мази...

ЛУИЗЕТТА. Не тронь его!

Тайад-Эспинас бьет.

ЧЕЛОВЕК-СЛОН. Мази, хозяин, бы...

ЛУИЗЕТТА. Уйди! Уйди! Уйди! Уйди! Уйди! Уйди! Уйди!

В клетках стоит жуткий вой.

Тайад-Эспинас бьет.

А Человек-слон все повторяет и повторяет: «Мази... Мази, хозяин... Мази...»

Наконец Человек-слон смолкает.

Тайад-Эспинас обессиленный выпускает прут. Выбирается из клетки и плетется прочь.

Пахнет почему-то чистой родниковой водой.

Долго ничего не происходит.

ЛУИЗЕТТА. Человек-слон больше не хочет есть. Человек-слон больше не думает о еде. Человек-слон перестал думать... Завтра нас всех не будет. Они придут сюда. Человек не приведет лошадей. Он обманул...

ГРЕНУЙ. Я успею.

ЛУИЗЕТТА. Это не поможет.

ГРЕНУЙ. Остался последний запах...

ЛУИЗЕТТА. Я уже не хочу... Я устала... Когда у тебя четыре руки, две из них – лишние. Уже ничего не изменить. Так будет всегда. Они всегда будут думать о том же самом. Они не признают поражения, даже когда проиграют. Их больше, и у них своя правда...

ГРЕНУЙ. Остался последний запах...

ЛУИЗЕТТА. Зачем он? Запах когда-нибудь закончится... Испарится... Улетучится...

ГРЕНУЙ. Я все равно пойду туда.

ЛУИЗЕТТА. Делай, как знаешь...

ГРЕНУЙ. Мне нужно это... У меня никогда не было... У меня не было лица. Не было своего... Всего один раз. Я хочу... Один раз...

ЛУИЗЕТТА. Зачем?

ГРЕНУЙ. Я не знаю. Просто. Я хочу. Один раз. Я хочу быть. Для них. Чтобы увидели... Один раз...

ЛУИЗЕТТА. Тогда иди.

ГРЕНУЙ. Я пойду... Один раз... Я хочу... Они увидят. Они поймут. Я должен. Один раз. Это важно...

ЛУИЗЕТТА. Иди.

ГРЕНУЙ. Я должен...

ЛУИЗЕТТА. Иди, раз должен.

Гренуй откидывает циновку, открывает люк.

ГРЕНУЙ. Я вернусь. Я обещал...

Луизетта кивает.

Гренуй ныряет в люк и исчезает.

Он бежит в кузню на берегу реки. Собирает все необходимое в мешок. Выходит и как тень крадет по грязным вонючим улицам Граса.

А на улицах безликая масса громит парикмахерские и дома лекарей. Горят кибитки цыган, пылают хижины итальянцев-сезонников. Масса ползет по мостовым, гудит, переливается огнями факелов, выплевывает мусор и испражнения.

Гренуй нюхает пахнувший гарью воздух...

ЗАПАХ ТРИНАДЦАТЫЙ

Снова дом Риши.

Комната Лауры. Тень от дерева на полу. Тяжелая, причудливая.

Лаура спит.

Тень дерева оживает, ползет к постели. Заползает на покрывало. Становится Гренуем.

Он склоняется над Луарой Риши. В руке у него дубинка.

Гренуй втягивает носом воздух и запах Лауры. Бьет дубинкой ей по затылку.

Тишина.

ЛАУРА. Все?

ГРЕНУЙ. Все... все... все... теперь спи...

ЛАУРА. Я не хочу...

ГРЕНУЙ. Спи.

ЛАУРА. Я хочу танцевать...

ГРЕНУЙ. Нельзя...

Снимает с неё ночную сорочку.

ЛАУРА. Мне будет холодно.

ГРЕНУЙ. Не бойся...

ЛАУРА. Ладно.

**Белое тело Лауры светится, как луна. Холодно и неприступно.
Гренуй с минуту смотрит на неё.**

ЛАУРА. Зачем ты смотришь? Я же голая...

ГРЕНУЙ. Я не буду.

Отворачивается. Сворачивает сорочку и убирает в мешок. Достает нож.

ЛАУРА. Что ты будешь делать этим?

ГРЕНУЙ. Нужны волосы. Я промою их в винном спирте. И платье...

ЛАУРА. Ладно...

**Гренуй срезает ножом волосы. Медленно, аккуратно. Коротко. Очень коротко. Убирает.
Теперь Лаура похожа на мраморную античную статую.**

Гренуй вынимает из мешка полотно, промазанное жиром.

ЛАУРА. А это что?

ГРЕНУЙ. Жир. Он впитывает запахи... Это называется анфлераж.

ЛАУРА. Сложное слово. Мне не будет больно?

ГРЕНУЙ. Нет.

ЛАУРА. Тогда ладно...

Гренуй обматывает тело полотном.

ЛАУРА. Чуть-чуть холодно... Жир холодный.

ГРЕНУЙ. Сейчас он нагреется.

Пауза.

ЛАУРА. Уже теплее...

ГРЕНУЙ. Видишь...

ЛАУРА. И что теперь?

ГРЕНУЙ. Ждать... (Садится в кресло.)

ЛАУРА. Тогда расскажи пока о себе.

ГРЕНУЙ. Зачем?

ЛАУРА. Просто. Я же должна знать...

ГРЕНУЙ. Ладно... Я... Я – парфюмер... Но у меня никогда не было собственного запаха. Я никогда не знал, кто я такой и зачем я здесь. Я научился только нюхать и чувствовать запахи. Или я всегда это умел. Я не помню. Но больше я ничего не умею. Я жил в пансионе у мадам Гайар. Там пахло дровами. На самом деле это были разные запахи, но все называли их – дрова. Больше я ничего не помню из того времени. Свою мать я видел только один раз и, она не пахла ничем. Она сказала мне, что хотела выйти замуж за овдовевшего ремесленника, но не успела. Я не помню запах её молока, но почему-то помню запахи молока других женщин. Я помню много этих запахов. Помню запах денег за каминной стойкой в комнате мадам Гайар. Они пахли нехорошо, но мадам Гайар хотела их. Я помню, как пахло в дубильне Грималья, где я мездрил шкуры и носил воду и где я в первый раз увидел женщину, которая, как и я, ничем не пахла. Я помню много запахов в мастерской мадам Бальдини. Амбра, цибетин, пачули, бергамот, ветиверия, опопанакс, росной ладан, сандаловое дерево, хмель, бобровая струя, лиметта, корица, жасмин, нарцисс. И много других. И мадам Бальдини, от которой все время пахло латунию и мускусом. Я помню запахи духов, которые изобретал и, которые оказались ничем в сравнении с запахом девочки, что чистила мирабель. Но я не смог удержать тот запах. Я убил его. Он улетел. Тогда я понял, что мой нос бесполезен, потому что нельзя

создать такой же запах. И я ушел. Я хотел умереть, но не смог. Я жил в пещере очень долго, но мне казалось, что один день, потому что там ни было запахов кроме тех, что были там. И там я понял, что сам не имею своего запаха. Хоть какого-нибудь, даже самого скверного. Самое страшное не иметь запаха, когда ты имеешь нос, самое страшное не иметь голоса, когда ты имеешь слух, самое страшное не иметь лица, когда ты имеешь глаза... Даже самого скверного лица. Но теперь оно у меня будет. Будет то, чего никогда не было. И мне страшно...

ЛАУРА. Почему?

ГРЕНУЙ. Я не знаю, как это будет. Как это – иметь лицо.

ЛАУРА. Я думаю, это хорошо.

ГРЕНУЙ. Я не знаю... Я устал. Когда я это начинал, я был полон сил. Но теперь мне кажется, что я просто продолжаю все по инерции. Качусь, как булыжник с горы. Мне будет легче, если завтра ничего не получится и, они...

ЛАУРА. Не говори так.

ГРЕНУЙ. Не буду...

Молчат.

В распахнутое окно влетает птица. Садится на подоконник, смотрит то на Гренуя, то на тело Лауры. У птицы человеческая голова и глаза.

Где-то в доме бьют часы.

Птица улетает.

За окном начинает светать.

ЛАУРА. Кажется, уже пора...

ГРЕНУЙ. Пора...

Он подходит к кровати, снимает с Лауры полотно. Счищает остатки жира. Убирает все в мешок.

ЛАУРА. Теперь опять холодно.

ГРЕНУЙ. Я... я должен идти...

ЛАУРА. Уже?

ГРЕНУЙ. Уже.

ЛАУРА. Я пойду с тобой.

ГРЕНУЙ. Это нельзя.

ЛАУРА. Но я уже там, в твоём мешке.

ГРЕНУЙ. Там... Тогда пошли.

ЛАУРА. Пошли...

Гренуй подходит к окну.

Тело не шевелится.

ГРЕНУЙ. Здесь лестница. Иди вперед...

Пропускает невидимую Лауру.

Спускается сам.

Они бегут по городу. Гренуй впереди, Лаура – за ним. Перед входом в кухню Гренуй оборачивается и видит, что ее нет.

В комнате Лауры страшно кричит Риши.

Толпа сворачивает к его дому.

Гренуй разводит огонь под котлом с жиром.

ЗАПАХ ЧЕТЫРНАДЦАТЫЙ

**Цирк. Клетки открыты. В них мертвые уродцы.
Толпа громит все, что попадает под руку.
Горят костры.
Тайад-Эспинаса волокут за волосы.**

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Я под покровительством совета!!! Я под покровительством совета!!! Я знаком... Я под покровительством совета!!!

**Толпа гудит. Подхватывает Тайад-Эспинаса, несет, помещает в костер.
Тот отмахивается от огня, словно это пчелы или другие насекомые.**

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Я под защитой совета!!!

**Наконец он разгорается. Бежит, кричит что-то, потом визжит.
Толпа расступается, пропуская его.
Тайад-Эспинас исчезает за углом.
И оттуда же появляется Гренуй.
Он останавливается, смотрит на толпу.
Толпа на него.**

ГОЛОСА. Еще один! Это волкодлак! Риши сказал, что это он убил его дочь! Не дайте ему уйти!!!

**Толпа движется на Гренуя. Её глаза горят.
Гренуй не двигается.
Люди подходят совсем близко.
Гренуй вынимает пузырек с прозрачной жидкостью и обливает себя.
И вдруг...**

Его грубая, в рубцах и оспинах кожа словно трескается, сползает с тела, как чулок. Обваливается, как штукатурка. И из-под неё появляется чистое ровное лицо, правильной формы руки, идеальное тело.

Теперь Гренуй прекрасен, как Лаура и девочка с мирабелью. Даже прекраснее во много раз. Он похож на ангела.

Толпа на мгновение застывает. А потом падает на колени.

ГОЛОСА. Его лицо! Оно прекрасно! Он прекрасен! Он бог! Он прекрасен! Он бог! Бог! Бог! Бог!!!

**Руки тянутся к Греную. Прикасаются к нему.
Руки тянутся друг к другу. Сдирают друг с друга одежду.
Женщины кричат и стонут. И отдаются.
Мужчины рычат. И овладевают.
Теперь они не видят Гренуя. Они ничего не видят, кроме похоти, охватившей их.
Толпа сливается в какой-то страшный клубок, похожий на огромную змею. И эта змея сопит, стонет, визжит, извивается, вздрагивает, исходит слюной и спермой, кусает и царапает сама себя. И источает терпкий запах пота, гениталий, крови и семени.
Гренуй смотрит на змею с каменным лицом.**

ГРЕНУЙ (шепчет). Что вы делаете? Зачем вы? Прекратите...

Змея поворачивает к Греную голову. Протягивает к нему длинный влажный язык. Устремляет широко распахнутую пасть, полную острых ядовитых зубов. Хочет схватить его, сожрать.

**Гренуй отпрыгивает и бежит в клетку Луизетты.
Склоняется над телом.**

ГРЕНУЙ. Зачем они?! Зачем они?! Зачем они?! Зачем они?!

**Плачет.
Луизетта не отвечает.**

ГРЕНУЙ. Я не хотел этого! Они сами! Зачем они?! Зачем они?!

Луизетта молчит.

Гренуй опускается на пол рядом с ней. Обнимает её. Прижимается лицом к её животу.
 Не шевелится.
 Повторяет: «Зачем они?! Зачем они?! Зачем они...»

*А змея ползет по городу, глотает всё и вся. Становится огромной, жирной. Откладывает яйца.
 Из яиц вылупляются новые змеи.
 И все повторяется...*

* * * * *

ЗАПАХ ПОСЛЕДНИЙ

Гренуй идет по грязной улице.
 Вдали мерцает пламя костра. Вокруг него кучка людей.
 Гренуй останавливается, думает, выливает на себя все духи из флакона. Роняет флакон на камень.
 Флакон разбивается.
 Гренуй идет к костру.
 Люди оборачиваются. Поднимаются со своих мест. Двигутся ему навстречу.
 Тени скользят по земле, стенам. Даже по небу.
 Тени обступают Гренуя. Протягивают черные руки. Ничего не говорят.
 Гренуй исчезает среди них.
 Тени превращаются в людей. В мать Гренуя, в Северину, в господина доктора, в патера Террье, в мадам Гайар, в Жака-Страхолюда, в мэтра Грималья, в мадам Бальдини, в Тайад-Эспинаса, в Риши...
 Их рты в крови.
 Они отрывают от Гренуя куски и едят.

СЕВЕРИНА. Мадам знает, что услуга доктора будет стоить целый франк...

ДОКТОР. Мадам знает, что господин доктор отдает груз крысам...

МАТЬ. Я хотела выйти замуж за овдовевшего ремесленника, но не собиралась любить его. Как это – любить? Я не знаю...

ТЕРРЬЕ. Монастырь согласен на десять франков в неделю...

МАДАМ ГАЙАР. Всё, что не упомянуто - за дополнительную плату или в счет питания...

ЖАК. Бить его...

ГРИМАЛЬ. Считайте, что это маленькая корова без вымени. Я плачу вам франк...

МАДАМ БАЛЬДИНИ. Экстракт жасмина, Боже мой! Он нас разорит!..

ТАЙАД-ЭСПИНАС. Мази тебе...

РИШИ. Оно прямоходячее...

Едят, отталкивают друг друга.

ГРЕНУЙ. Дрова... дрова... дрова... дрова... дрова...

Замолкает.

Тени расступаются.

Гренуя нет.

Люди молча возвращаются к костру.

Некоторые икают.

Вытирают руками губы.

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Смотрите, старая газета...

ВТОРОЙ ГОЛОС. Что пишут...

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Не разобрать... Промокла... Вот. (Читает). «...остается загадкой, почему крысы, коих рядом с младенцем было обнаружено в достаточном количестве, не съели его и даже в какой-либо степени не покусали...»

ВТОРОЙ ГОЛОС. Все?

ПЕРВЫЙ ГОЛОС. Все...

Бросает газету в огонь.

Газета лежит некоторое время и не загорается. От неё идет белый пар.

Наконец бумага вспыхивает, мгновенно рассыпается на тысячи пылающих кусков, которые летят над головами людей, летят над грязной улицей. Мерцают какое-то время, как светлячки, затем гаснут, превращаются в пепел и исчезают.

Пахнет дымом.

Пахнет геранью.

Пахнет мирабелью.

И дровами...

КОНЕЦ